

Времений Сувораки

*С природою в ладу,
и с Господом в душе*

Евгений Серрапионович Суворов

родился в 1961 году в деревне Рыбное
Горьковской области.

По специальности геолог.

Долгое время работал корреспондентом
в газете «Вера».

Автор сборника стихов «Листопады души» (2004 г.)

Евгений Суворов

*С природою в ладу,
и с Господом в душе*

2022

ББК 84(2Рос.Ком)
С89

Суворов, Е. С. С природою в ладу, и с Господом в душе : стихотворения / Евгений Суворов. – Сыктывкар, 2022. - 224 с.

Это второй поэтический сборник автора. Он состоит из шести разделов: Покров, Бесконечная Любовь, С природою в ладу, и с Господом в душе, Васильки в горах, Отчий дом и Любви невидимая нить.

© Суворов Е.С.

А лучшая песня еще не пропета...

Новая книга Евгения Суворова "С природою в ладу, и с Господом в душе" состоит из 6 разделов:

1. Покров;
2. Бесконечная любовь;
3. С природою в ладу, и с Господом в душе;
4. Васильки в горах;
5. Отчий дом;
6. Любви невидимая нить.

Уважаемый читатель, я не ставлю своею задачей произвести литературоведческий обзор данной книги, моя задача – выразить своё отношение к поэзии автора, которая представлена на обозрение в этом поэтическом сборнике.

В творчестве эжвинского поэта Евгения Суворова большое место занимает природа. Он умеет видеть то, что простой обыватель может порой не заметить, услышать то, что мы не всегда услышим. Автор ищет особые слова для того, чтобы нарисовать для нас, читателей, замечательные картины, которые волнуют душу. И мы, переворачивая страницу за страницей этой удивительной книги, чувствуем и волнение, и восхищение поэта. Ну, как, например, не задержать своё внимание на следующей зарисовке:

*"...Отзвенели звонкие капли,
отшумели вешные ручьи.
На поля уже в конце апреля
прилетели чёрные грачи...*

*...Журавли и утки клин за клином
оглашают северный покой.
Будут гнёзда вить в озёрной сини,
выводить птенцов в тиши лесной..."*

(Стихотворение "Отзвенели звонкие капли...")

Только человек, любящий природу, каждое дерево, каждый кустик, облака, плывущие над землёй, может сказать: "Я твой, Земля, поэт":

*"Берёзы шелестят листвой,
струят волшебный свет.
Святая Русь,
я голос твой,
я твой, Земля, поэт..."*

("Стихотворение "Берёзы шелестят листвой...")

С большой любовью, с огромной гордостью рассказывает Евгений Суворов о своем дедушке Максиме, который и хлеб растил, и Родину защищал, и детей поднимал. О скромном русском человеке:

*"...Умер он, я не родился.
Жаль, не встретился с тобой, милый дед".*

(Стихотворение "Расскажи мне, дед Максим...")

Но жизнь продолжается... У Максима растёт сын Серапион, который с пелёнок впитывает трепетное отношение к земле, к своему дому. Позже уже автор этой книги читит заветы деда и отца и признаётся о безмерной любви к России. И теперь уже он "под вешний звон колоколов" готов "оберегать любимый кров". Вот так из поколения к поколению передаётся особое отношение к своему дому, к земле, к Родине:

*"...И верю я – всё это вечное
Навечно связано со мной!"*

(Стихотворение "Вы не кружите, злые вороны...")

Но болит душа поэта, который пристальным взглядом обзревает российскую действительность:

*"...Родина родная, я всегда с тобою
от несчастий грудью я тебя закрою.
По законам правды трудно жить, я знаю.
Я всегда с тобою, Родина родная!"*

(Стихотворение "Сердце занемет, улетит вдаль птица...")

Он не безразличен к чеченской войне, к украинской...

Евгений Суворов вспоминает тёплым словом ушедших в мир иной поэтов: Дмитрия Фролова, Николая Рубцова,

Владимира Высоцкого... Автор книги не только помнит о них, он показывает с какой любовью, с каким трепетом относится к их творчеству.

Но ведомо ему и чувство одиночества. И тогда тропинка ведёт поэта туда, где шумят березки, где поют свои песни весёлые птицы, туда, где над всем этим сказочным миром плывут облака. Уверена, что человеку, который так любит леса, поля и горы, очень уютно в этом зелёном царстве.

Другой раздел книги поэт назвал "Бесконечная любовь". Для него слово Любовь имеет огромное число граней, каждая грань светит по-особенному: это лучезарное свечение, исходящее от Всевышнего, это тёплое ощущение родного дома, это бескорыстная материнская забота, это особое чувство к земной женщине, это соприкосновение с миром, с природой...

*"...Зажгу костёр любви, горящий алой кровью,
чтоб жертвенный огонь поднялся до небес,
согрею всех теплом, и светом, и любовью:
и этот ближний луг, и тот далёкий лес..."*

(Стихотворение "На многие века зелёная планета...")

*"...Всё ликует на земле и всё поет,
прославляет воскресение Христа.
Звон кукушки мне из леса счёт ведет,
чтобы жил я, не печальсь, лет до ста".*

(Стихотворение "Пасха")

*"...Я до креста
готов любить Христа
и крест свой до Голгофы донести,
готов на казнь, чтоб мир добрее стал,
чтоб грешный мир от гибели спасти".*

(Стихотворение "Я равнодушен стал к людским страстям...")

Автор описывает в своей книге и важные для него события: Стефановский крестный ход, 600-летие Успения Стефана Пермского, посещение Усть-Вымского и Кылтовского монастырей...

Как верно определяет он свое состояние: "С природою в ладу, и с Господом в душе", это очень часто звучит в его стихах:

*"Так много на земле добра, тепла и света,
И радостью земной наполнен каждый день.
Я человек земли, земля - моя планета,
Земная благодать нисходит на людей...
...Прекрасен Божий мир..."*

(Стихотворение "Так много на земле добра, тепла и света...")

Тихая охота, сбор ягод, рыбалка, первые подснежники и даже чучело огородное – всё попадает в поле зрения поэта и отзывается в душе яркими образами, которые ложатся на чистый лист бумаги поэтическими строчками. Не забывает Евгений Суворов и о горах:

*"Хорошо в палатке ночью длинной
вспоминать с друзьями о былом,
как мы брали горные вершины,
проходили скалы напролом..."*

(Стихотворение "Хорошо в палатке ночью длинной...") или:

*"Всюду горы, водопады,
чистая вода –
для меня вы как награда,
жил бы здесь всегда..."*

Но где бы он ни был, его отчий дом всегда в памяти, потому что это – начало всему:

*"Люблю тебя, наш скромный отчий дом –
за теплоту домашнего уюта,
за дивный свет, за каждую минуту,
когда мы жили в доме внятном:
родители, мой брат, сестра и я.
Стремительно промчалось это время..."*

(Стихотворение "Люблю тебя, наш скромный отчий дом...")

Но самое дорогое в этих тёплых воспоминаниях поэта образ матери, которая научила любить, дала понятие о человеческих ценностях, поэтому он не забывает и о ней сказать добрые слова:

*"Мамочка родная –
белый свет в окошке.
Наполняет душу нежное тепло...
...Знаю, что всегда ты молишься о сыне.
Потому на сердце тихо и светло".*

(Стихотворение "Мамочка родная – белый свет в окошке....")

Очень много прекрасных поэтических строчек он посвящает дочери Светлане, внукам, своему отцу и даже собаке – белый Бим, – заброшенная, забытая, попадает в поле его внимания и удостоивается сочувствия и поддержки.

И как каждый творческий человек он говорит в своей книге об особом отношении к женщине. О тех, кто "был любим". Я знаю, что такие стихи всегда трогательно отзываются в душах читателей.

Я надеюсь, что у Евгения Суворова впереди ещё очень много поэтических открытий, которые будут радовать нас своей неповторимостью. Да и сам автор сборника, с которым я имела счастье познакомиться Вас в этом небольшом читательском отзыве, верит в это:

*"А время проходит, как вор без ответа,
А лучшая песня еще не пропета,
Еще не написаны лучшие строчки..."*

(Стихотворение "А время проходит, как вор без ответа...")

Можно ещё долго говорить о стихах Евгения Суворова...

Я думаю, что ты, уважаемый читатель, сам прочитаешь новую книгу эжвинского самобытного,

интересного поэта и у тебя сложится своё представление о нём и о его поэзии.

Ещё в 2005 году, когда я открыла для себя творчество своего собрата по перу, у меня сложились о нём следующие строчки:

* * *

*... "Колокольным звоном"
ты тревожишь душу,
Крепкими корнями
в землю предков врос.
Шёпот лёгких листьев
ты умеешь слушать
Юных, белоствольных
тоненьких берёз.
В Храме Божьем, знаю,
зажигая свечи,
Просишь за Россию,
за её народ.
Верю, что готов ты
тяжесть взять на плечи,
Знаю, что готов ты
совершить свой взлет!*

Мои мысли, заложенные в это стихотворение, не только характеризуют поэта, но и определяют основные аспекты его творчества. И я уверена в том, что ещё очень много образных, запоминающихся стихотворений нам подарит Евгений Суворов.

Руководитель Эжвинского литературного объединения

"У камелька", член Российского союза писателей –

Людмила Ханаева

Раздел 1

ПОКРОВ

* * *

По первому снегу на тихий Покров
иду, каждой веточке внемля.
И верю, что всё охраняет наш Бог:
и поле, и речку, и землю.

И нас – бестолковых и глупых людей,
губящих родные просторы.
И, может быть, самый последний злодей
он тоже под Божьим покровом.

Мне истина эта понятна без слов,
её как апостол приемлю.
По первому снегу на тихий Покров
иду, каждой веточке внемля.

* * *

Тихая родина, звёздная пыль
шалью укрыла деревню мою.
Снова не спится, звенящий ковыль
с ивами песни ночные поют.

Да на ветру осерчал журавель,
скрипом тревожит застывший покой.
Скрипнула в горницу лёгкая дверь, -
это опять к нам пришёл домовый.

Пусть охраняет наш сон до утра,
оберегая звенящую тишь.
Угомонилась и спит детвора,
сладко сопит в своей люльке малыш.

* * *

Без России земной нет России небесной,
и поэтому ныне, как встарь:
в небесах над Россией с усопшими вместе
все Святые и наш Государь.

Русь Святая на небе поёт и ликует,
прославляет живого Христа,
Над миром зловещие силы лютуют,
вновь пытаюсь лишить нас креста.

Но нельзя на Руси ни с мечом, ни с обманом,
ни с чужой нам счастливой мечтой...
Заграничные бредни – продажны и странны
на Руси, что зовётся Святой.

Бог разврата, наживы, богатства и славы –
это блажь чужеземных иуд.
У России другие в цене идеалы,
свой намеченный Господом путь.

И не выйдет у грешных правителей песни,
пожелавших судьбы ей иной.
Без России земной нет России небесной,
без небесной – не будет земной.

* * *

Полёты не во сне, а наяву –
над Родиной потерянной летаю.
И всех родных по имени зову,
и всем венки на их кресты сплетаю.

Ах, Родина – бескрайние поля,
поросшие бурьяном и осотом.
И не родит златую рожь земля,
и не идёт на ней в страду работа.

Мой край родной заброшен и забыт:
одни кресты на кладбище остались.
Здесь весь мой род среди берёз лежит,
и мы с тобой, мой край, давно расстались.

* * *

Потоки неприкрытой лжи
сверх ожидания, сверх меры
и точат гнусные химеры
Руси славянской рубежи.

И загоняют нас в капкан
враги, рядясь в овечьи шкуры,
разыгрывая партитуры,
где всё коварство и обман.

Но Русский мир не погубить —
за нами правда, Божья сила
и все защитники святые,
что будут вечно Русь хранить.

* * *

Расскажи мне, дед Максим, расскажи,
как ты хлебушко растил? Как ты жил?
Как ты полюшко пахал, боронил?
Как растил тринадцать ртов, как кормил?

В доме ветер лишь гулял, да беда:
на столе полынь-трава, лебеда.
Пять детишек, не дожив до трёх лет,
с голодухи отошли на тот свет.

Как в Германскую, на первой войне,
лихо с немцем воевал на коне.
Под собою трёх коней потерял.
Пуля-дура не убила тебя.

За Святуя Русь дрался не за страх,
возвратился в дом в геройских крестах,
в царской армии для всех был пример:
бравый унтер, боевой кавалер.

Как с берданкою ходил на лосей,
да на белок, да на диких гусей
и медведя не боялся в лесу,
бил и уток, и бобра, и лису.

Говорят, ты шибко девок любил,
говорят, что мою бабку ты бил,
говорят: любил и пить, и гулять,
а не только на войне воевать.

А, подвыпивши, любил газовать,
свою силушку на всех показать:
брал трёхлетнего быка за рога
и валил быка оземь на бока.

Поднатужившись, коня поднимал,
гнул подковы и оглобли ломал,
мужиков всех на лопатки ложил,
а не то и по сопатке глушил.

... Расскажи мне, дед Максим, расскажи:
как живьём ловил ты зайцев во ржи...
С фотографии старинной глядят:
борода, усы да хитрый твой взгляд.

... Не расскажет дед Максим ничего:
под рябиною лежит прах его,
умер он. Я не родился на свет.
Жаль, не встретились с тобой, милый дед.

* * *

Кукует кукушка, кукует вдали,
а мне безутешно и грустно.
По Вычегде мирно плывут корабли,
пронзая росистое утро.

На речке повсюду разлился туман,
накрыл ивняки и распадки.
Приветствует гордо меня капитан,
и я ему честь – для порядка.

На утренней зорьке клюёт и клюёт,
а я у костра отдыхаю.
Смотрю на весенних гусей перелёт,
как тянутся стая за стаяй.

Черёмухи буйно повсюду цветут,
как снег белый цвет облетает...
И хочется плакать, и слёзы текут,
и дятел как ангел летает.

* * *

Благодарю, Господь, за Тихий Свет,
что освящает душу постоянно.
Что смерти в нашем мире больше нет,
что жизнь всегда прекрасна и желанна.

Что даже в горе и большой беде
ты не оставишь и возмёшь на плечи,
что пронесёшь по грязи, по воде,
лишь помолюсь, и сразу станет легче.

О, Господи, как счастлив я с Тобой
и зло терпеть, и козни преисподней.
Спасает и хранит одна Любовь
и сил даёт подняться в мир Твой Горний.

* * *

Яркий мир счастливых снов:
тихий пруд, поля,
лес, деревня в семь дворов –
Родина моя.

Даже малый муравей
здесь мне мил и рад,
и звенящий соловей
приглашает в сад.

Яблоко солнечный налив
вновь испить готов.
как же сказочно красив
мир волшебных снов.

Кукушка

По реке житейских бурь плыву,
где волна на солнышке бликует.
Средь тайги в серебрянном бору
мне кукушка много лет кукует.

Накукуй кукушка мне легко
боль встречать с улыбкой, не слезами.
Чтобы мне по жизни высоко
долететь по небу прямо к маме.

Чтоб служить Отчизне много лет,
чтоб любить людей светло и чисто.
Отошли, кукушка, мой привет
всем моим друзьям, родным и близким.

За стремниной новый пережат –
словно дикий лев во тьме грохочет.
Он, пугая тяжестью преград,
поглотить меня в пучине хочет.

Но преграды все перенесу,
перекаты все преодолею.
Над стремниной бурной пронесусь
на своей потрёпанной галере.

Неведомые страны

Весёлый шелест трав и пенье родника —
спасительно и трепетно желанно.
И свежий ветерок, как Божия рука
меня ведёт в неведомые страны.

Струится Божий Свет на сонные поля,
и трели соловья пронзают небо.
В предутренний рассвет, когда парит земля,
брожу я по местам, где раньше не был.

Чу, вдруг перепела заплачут вдалеке
иль засвистит кулик на длинной ножке.
Я с ними говорю на их же языке...
То заяц вдруг застынет на дорожке.

И уши наострив, как в радостном бреду,
ускачет серый в лес через поляну...
По берегу реки, по зарослям иду,
торю свой путь в неведомые страны.

* * *

Жизнь моя бедовая,
жизнь моя лихая,
свежесть родниковая —
Родина святая.

Трепетно и бережно
василька касаюсь,
перед каждой травкою
низко наклоняюсь.

Всё живое, нежное,
всё стремится к солнцу:
цветники прибрежные
в зарослях лимонниц.

И от зорьки красные
кисти иван-чая...
Всё во славу Божию,
всё Господь венчает.

* * *

Народ про Пашку разное
в деревне говорил:
ко вдовушкам захаживал,
молодушек любил.
Бывало пил без продыха
недели две подряд,
но вкалывал без отдыха
потом за взвод солдат.
И песни пел душевные,
на дудочке играл,
охотился на соболя,
и медведей стрелял.
И дрался в пьяных выходках,
и жёнушку лупил...
Народ про Пашку разное
в деревне говорил.
Но с кем беда приключится,
все Пашеньку зовут,
он гордостью не мучился:

на помощь – тут как тут.
И деток с ям вытаскивал,
старушкам помогал:
дрова колол, топил им печь,
скотине корм давал.
Однажды двух мальцов чужих
из речки бурной спас,
а сам погиб, и по нему
все плачут и сейчас.
И ходят на могилочку,
и просят, чтоб помог,
и молятся за Пашеньку
у самых его ног.

Ночная рыбалка

У костра на речке тишина,
разговор течёт себе неспешно.
И струится музыка огня,
и звучит в тиши во тьме кромешной.

И чаёк то снова закипит,
то, разлитый в кружки, остывает.
Вновь валежник на огне трещит
Так, что искры в небо улетают.

То щурята плещутся вдали,
разрезая тишину упруго,
то в близи прибрежной на мели,
под луной от всплесков круг за кругом.

Над огнём клубятся комары,
звон стоит в ушах, не затихая,
и звенят до утренней поры,
на рассвете только улетают.

* * *

Я к победам давно не стремлюсь,
все победы мои – пораженья.
Потому и нахлынула грусть,
потому и терзают сомненья.

Тех, кого победил я тогда,
когда был молодым и горячим,
жить остались со мной навсегда,
как укор моей страсти незрячей.

Я о них, вспоминая, молюсь
и прошу у Христа снисхожденья.
Потому и преследует грусть,
потому и терзают сомненья.

* * *

Отзвенели звонкие капли,
отшумели вешние ручьи.
На поля уже в конце апреля
прилетели чёрные грачи.

Журавли и утки клин за клином
оглашают северный покой:
будут гнёзда вить в озёрной сини,
выводить птенцов в тиши лесной,

На югах теплее и сытнее,
только Север всё же им милей.
И душа от счастья пламенеет,
провожая в небе журавлей.

* * *

Всё идёт своим чередом:
солнце на востоке встает,
день занялся синим огнём,
что он мне опять принесёт?

Тихо и спокойно душе,
ходики "тик-так" да "тик-так".
Я уже на том рубеже,
на котором друг даже враг.

Я за всех молюсь, всех люблю,
всем желаю счастья, добра.
Если и обидят – не злюсь,
знать не все обиды собрал.

Знать, ещё чуток поживу,
потерплю наветы и ложь.
Солнце поднялось на юру,
день то как весенний хорош!

Снег почти растаял уже,
в луже солнца яркий пятак.
Тихо и спокойно душе,
ходики "тик-так" да "тик-так".

* * *

В мире людей, среди ближних и дальних,
Боже, я так одинок!
Сколько сомнений в душе и терзаний
Знает один только Бог.

Сколько желаний, благих и высоких!
Сколько великих начал!
Видит одно Лучезарное Око,
Слышит одна лишь свеча.

Ближний не хочет понять мою душу,
Дальний не может понять,
Что я готов только Господа слушать,
Только Ему лишь внимать.

Что не ценю ни богатства, ни званья,
К благам земным не стремлюсь,
Нежно люблю все живые созданья,
Свято люблю мою Русь.

Что ненавижу ни зла, ни обмана,
Верю, что Бог наш воскрес,
Что за Россию – хоть к стенке я встану!
Что за Христа – хоть на крест!

*"Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они -
Иных времен татары и монголы..."*
Н. Рубцов

Березы шелестят листвою,
струят волшебный свет.
Святая Русь, я – голос твой,
я твой, Земля, поэт.

Мой верный золотой Пегас,
пора, коняга, в бой!
Пока свет Божий не погас,
пока Господь со мной.

Возьму копьё и булаву,
возьму булатный меч
и басурманскую главу
срублю с поганых плеч,

И от нашествия орды
Россию сберегу.

Пусть злые тати и враги
прочь из Руси бегут.

Чтоб снова Русская земля
спаслась от тяжких бед.
Чтоб на леса и на поля
струился Тихий Свет...

России

Время зовёт
в дальний поход –
в бой с чужеземной силой.
Вера моя,
доля моя,
время моё –
Россия!

Никнет жнивьё
и вороньё,
кружит на небе синем.
Счастье моё,
солнце моё,
радость моя –
Россия!

Встану стеной
за край родной
грудью пред злым Батыем.
Сердце моё,
горе моё,
песня моя –
Россия!

Будут опять
храмы сиять,
схлынут года лихие.

Сила моя,
слава моя,
гордость моя –
Россия!

* * *

Россия – Родина моя
до жгучей боли.
Люблю тебя, моя земля,
в земной юдоли.

Иной Мамай в наш дом идёт –
земля страдает.
Народ ворует, водку пьёт
и ... вымирает.

По миллиону каждый год
от нас уходят.
Не Бог к Себе их в рай берёт –
их в ад уводят.

Развал, разгул, разгром, распад
в России правят.
Над Родиной сгустился ад –
земля страдает.

Земля страдает без Христа,
без отчей веры.
Страна преступна и пуста,
коль в ней химеры.

И жаль Россию, пропадёт,
и канет в Вечность,
когда судить её придёт
Сын Человечий.

1997г.

В себе ответ на все ищу,
свободой болен.

Что слава, власть, хвалы река –
обман, химера.
Во мне миры, во мне века,
любовь и вера.

Земная сущность бытия
и тайна смерти...
Себя постичь, себя понять,
в себя поверить.

Уйти от глаз, от суеты,
греха искуса, –
растить внутри себя цветы
Христа Иисуса.

Чтобы подняться до небес
над жизнью строгой.
Чтоб видел Бог: Христос воскрес
в душе убогой.

Вот только жаль на склоне дней
перед причастием
не будет близких мне людей
и их участия...

отцу Серапиону Максимовичу

Вы не кружите, злые вороны,
беду не кличьте надо мной.
Мой путь земной, струной оборванной
зовёт меня на смертный бой.

Мои минуты скоротечные
промчатся быстрой чередой.
Уйду в безвременное-вечное,
останусь вечно молодой.

Шуми любимый край осокою,
тоскуй над Родиной камыш...
Я вознесусь в страну высокую,
войду в божественную тишь –

в небесный храм Христа Спасителя
под вешний звон колоколов
и буду светом небожителя
оберегать любимый кров:

мой домик с расписными ставнями,
с дубовым вековым венцом,
моим отцом в глуши поставленный
на солнце праздничным крыльцом.

Под сердцем матушки России,
среди приволжской тишины,
где чистые места святы
в лазури вод отражены.

Где манят дали бесконечные,
храня березовый покой...
И верю я – всё это вечное
навечно связано со мной!

* * *

Вгляжусь в синь небес – васильковые дали –
и вспомню поля из пшеницы и ржи.

А дети мои в поле рожь не видали
и в золоте хлебном не шли вдоль межи.
Мой дед-землепашец, отец-землепашец,
а я – журналист, хлеб не сею, не жну.
О Господи, что же поймут дети наши
о бедной России – в плену и дыму?

Дурманит нас Запад смертельной отравой,
пытаясь свободой грехов искусить.
Ну кто им дал право считать себя правым
и править разврат в православной Руси?!

* * *

В великой мудрости – великая печаль:
Венец прекрасный я без радости приемлю.
Я стал всевидящим – не потому ль мне жаль
и этот мир, и всех людей, и нашу землю.

Не от того ль всё чаще по ночам
в молитве тихой проливаю слёзы.
Горит в ночи пасхальная свеча,
и в небесах грохочут злые грозы.

Идёт война меж небом и землей
за каждого простого человека.
Прошу, Господь, излей на нас любовь,
чтоб длилась жизнь от века и до века.

Не ту любовь, что слышится окрест,
что грех творит и Бога унижает.
А ту, чтоб за людей взойти на крест,
что новый мир в любви своей рождает.

* * *

Когда теряет Русь последний стыд,
когда в сердцах и мыслях блуд и грёзы,
Господь над миром плачет и скорбит,
и проливает пламенные слезы.

Погрязла Русь в грехах и ворожбе,
в разгуле пьяном и разврате диком.
И не видать нам Господа нигде,
и по ночам кричу я страшным криком.

Болит душа о павших и живых,
о падших душах на житейской брани.
И каждый павший голову кружит
и каждый падший больно сердце ранит.

* * *

Обезображенная земля истекает кровью.
Она плачет от боли и насилия
и просит нас о спасении!

Услышим ли мы вопль земли,
или будем продолжать вырубать леса,
засорять реки, отравлять атмосферу?!

Приближение очистительного геенского огня
является реальностью наших дней.
И если мы не научимся жить
в любви и согласии между собой,
в гармонии с природой
и беречь каждую травинку –
мир может скоро погибнуть.

Капризная муза

Город смотрит, окнами мигая,
барабанит дождь ночной по крыше,
раскричались в клетке попугаи:
– "Тише, шалопаи! Ну-ка тише!"
Муза ко мне в гости прилетела,
прилетела, села на окошко –
светлая, как ангел белый-белый.
Взял я и насыпал ей горошку.
Только погостила очень мало,
песни мне волшебные пропела,
весь горох за окнами склевала,
а потом обратно улетела.

* * *

Волга-матушка,
степь привольная,
степь привольная,
воля вольная.

Широко ты, степь,
пораскинулась,
далеко ты, Русь,
да раздвинулась.

На лихом коне
по степи промчусь:
вся страна в огне,
полыхает Русь.

Русь – страдальица,
Русь – скиталица,
горемычная
к Богу странница.

Снова вороги
нож на Русь точат,
злые вороны
там и тут кричат.

Наползают псы
да со всех сторон,
в небесах стоит
колокольный звон.

От былой Руси
не найти следа:
там, где рожь цвела,
в поле лебеда.

Там, где жил народ,
всей Руси оплот,
ныне топь болот
да цветёт осот...

Не великая,
не державная...
Стала Русь моя
окаянная...

Поругаема,
предаваема,
распинаема,
раздираема...

Что же внукам то
в ней достанется?
Станет маленькой
Русь-красавица.

Вся с Московию
или с Гатчину...
русской кровию
всё оплачено...

* * *

Я ветром был, я смерчем был,
я был грозе оплот,
но гром и молнии забыл,
закрыл навечно рот.

Я жизнь в грехе боготворил,
любил хмельную ночь,
но двери в дом свой затворил,
изгнал веселье прочь.

Я стал спокойней тростника
у синей глади вод,
и жизни тихая река
меня к Творцу ведёт.

Я полюбил покой и тишь,
молитву и обет...
Течёт река, шумит камыш,
струится тихий свет.

* * *

Прилетел ко мне конь,
как жар-птица красивый:
пар валит из ноздрей,
грива вьётся рекой.
Поскачу по полям и просторам России,
чтоб дарить людям счастье, любовь и покой.

По лугам заливным, по зелёным просторам
полечу над Россией на красном коне,
чтоб земля расцветала прекрасным узором,
чтоб она никогда не горела в огне.

* * *

Сердце занемееет,
улетит вдаль птица,
трепетное счастье в дом не возвратится.
Пронесётся смерчем разрушитель ветер.
Огненные тучи заслонят от света.

Родина родная, я всегда с тобою,
от несчастий грудью я тебя закрою.
По законам правды трудно жить, я знаю.
Я всегда с тобою, Родина родная!

* * *

Моя печаль – зелёные долины,
и рай земной, и отчая земля.
Хочу, чтоб дивный голос журавлиный
во все века хранил мои поля.

Чтоб прилетали с юга эти птицы
и улетали в свой осенний срок.
Чтоб нам ещё плодиться и плодиться,
и размножаться...
помоги нам, Бог!

Я верю, что Россия возродится,
что встрепенётся, словно ото сна.
Летят на юг и плачут в небе птицы:
придёт-придёт желанная весна.

* * *

Сошла с земной оси
безумная планета
и крутится назад,
и в смертный час зовёт.
И близок, близок миг
конца земного света,
и Страшный Суд Христов
в наш мир уже грядёт.

И топят шар земной
свирепые цунами:
то смерч, то ураган,
то города трясет.
Что сделалось с землёй
и что случилось с нами,
что Матушка-Земля
нам предъявляет счёт.

Всё по грехам людским —
стихии и напасти.
Когда забыты честь,
достоинство и Бог,
когда в сердцах людей
кипят из ада страсти,
то ад и сам придёт
на наш земной порог.

* * *

Боже, вдоволь дай воды напиться!
Ниспошли на склоне моих дней:
свет моей затворенной темнице,
мир душе измученной моей.

Я бродил один по белу свету,
не жалел любви и не берёг,
охранял безумную планету,
странствуя в глуши земных дорог.

О земле-страдалице молился,
о знакомых Бога умолял,
чтобы мир для счастья возродился,
чтобы каждый грешник лучше стал.

Не оставь в беде Россию, Боже!
Возврати её на путь добра!
Зло над миром силы свои множит.
От любви земля белым-бела.

На чеченской войне

Церковь отпевает сыновей,
по погибшим на войне тоскует.
Не жалея, родная, не жалея,
пусть душа святится и ликует.

Полегли мальчишки на заре,
не отдав земли родной ни пяди.
Среди гор в холодном сентябре
снег на лица их всё падал, падал.

И взметнулась голубем душа,
из груди взлетела прямо в небо.
Ветер треплет вихры не спеша,
мальчика, что мужем так и не был.

Украинская война

Красивые люди уходят в туман,
в промозглую вечность.
А я понимаю, что это обман
и чья-то беспечность.

По сёлам славянским и по городам
славяне стреляют.
На радость стравившим нас Божьим врагам
себя убивают.

И выхода нет нам из этой войны
на многие вёрсты...
Мы все на Днепре во Христе рождены,
Все – братья и сёстры.

(август 2014)

* * *

Господи, избави от огня,
от безумства и от грешной страсти!
Пожалей несчастного меня!
Всё в Твоих руках и Высшей власти.

Слаб я, как былинный стебелёк.
Где мне с грешным миром состязаться?!
Я ещё в себе изжить не смог всех страстей.
Куда от них деваться?!

Помоги, Спаситель, не оставь
грешного заблудшего поэта!
И на путь спасительный наставь!
Защити от всех нападков света!

* * *

Каждому свой крест
и своя дорога,
и других путей
не проси у Бога.

Каждому свой срок,
и своя награда.
Всем отмерил Бог
сколько ему надо.

Путь мой – в облака,
через перевалы,
Божия рука
в даль меня позвала.

Где фаворский свет,
и снега блистают,
где в лучах Христос
в небесах сияет.

* * *

Я не могу смотреть в уставшие глаза,
мне разрывает душу их печальный вид.
Над человеком прокатилась гроза
и льётся дождь,
и до сих пор ещё гремит.

Я понимаю, жизнь ему – кромешный ад.
Помочь бы рад,
да вот нельзя ничем помочь.
Как будто сам я в этой боли виноват.
Я прячу взгляд
не в силах боли превозмочь.

памяти Дмитрия Фролова

Горино горе, цветы горицветы,
глазки анютины, маковый цвет.
Счастья по жизни не видят поэты,
нет им удачи и радости нет.

Жизнь переломана горькой судьбою,
крестною ношей трагедий и мук,
грузом предательств, неверной любовью,
острою болью измен и разлук.

Я в благородство людское не верю,
слишком мне много пришлось пережить.
Я доверяюсь не людям, а зверю,
если в смертельной опасности жизнь.

Зверь не предаст, за глаза не обманет.
хищники прямо на жертву глядят.
Много страшнее двуногие звери –
из-за угла нападут и съедят.

* * *

А мне все кажется, что поезд мой ушёл,
что я от поезда ушедшего отстал.
Что я чего-то в этом мире не нашёл,
что кем-то главным в жизни всё-таки не стал.

Не стал писателем, учёным и певцом,
не покори́л свой олимпийский пьедестал.
Не стал счастливым семьянином и отцом,
и журналистом громким тоже всё ж не стал.

Да и к чему? Знать, быть великим – не судьба,
коль столько в жизни не великих, скромных дел.
Прости же, Господи, убогого раба,
что быть великим всё ж когда-то я хотел.

Одиночество

Одиночество прокралось в мой дом,
поселилось среди стен навсегда.
Так вот вместе с ним вдвоём и живём:
что ни радость, то беда и беда.

Одиночество не ест и не спит,
ходит-бродит, ночью спать не даёт.
Половицами протяжно скрипит,
и вздыхает, и печально поёт.

Заведу я с ним ночной разговор:
"Что ты ходишь? Что мне спать не даёшь?
Что прокралось ко мне в дом, словно вор?"
А в ответ: "Да, ты и сам гусь хорош!"

2012

Бессердечная эпоха
бессердечно бьёт.
Как же, Господи, мне плохо
в этот трудный год.

Бесконечные потери
близких мне людей.
и уже совсем не верю
в счастье лучших дней.

Не хожу к друзьям я в гости,
песен не пою...
Только всё же есть надежда:
встретимся в раю.

* * *

Чем больше живу я,
тем жить интересней, –
тем ярче стихи,
и всё радостней песни.

Чем больше препятствий
и горьких гонений,
тем больше удач
и святых откровений.

Кто знает свой путь?
Как спастись? Где работать?
Душа рождена
для любви и полёта.

Душа рождена
для небес и для рая...
А тело пусть примет
землица сырая.

* * *

Что истина?
Когда шаги легки,
и мир ласкает свежесть и прохлада?
Когда на ранней зорьке петухи
Зовут в леса, и нет ни в чём преграды?

Когда слова и мысли горячи,
переполняет сердце от желаний,
когда ещё болезни и врачи
не ведомы, и нет подобных знаний?

....Что истина?
Когда на склоне лет
тебя терзают тысячи болезней?
Когда подняться с койки силы нет
и жить взахлёб уже не интересно?

Когда погас последний уголёк,
и твой очаг тихонько остывает?..
Что истина?
Когда с утра внучёк
гулять в леса с друзьями убегает?

Пред Господом я чист душой

Я тихо жил на белом свете
и тихо Господу служил.
Считал за всё себя в ответе
и с каждым грешником дружил.

И с каждым деревцем таёжным,
и с каждой птахой луговой
считался, если было можно,
оберегая их покой.

Быть может, скоро я предстану
пред Господом, и дам ответ
за жизнь свою. И я не стану
хулить судьбу за горечь бед.

Счастливой жизнь была и славной.
Я вырос сильный и большой.
Всем помогал и это – главное.
Пред Господом я чист душой.

* * *

У дремлющей реки
костёр в ночи пылает.
Сохатый протрубил,
прокралась в чаще рысь.
Безудержно в тиши
душа моя рыдает,
взмывая за огнём
в мерцающую высь.

И в звёздной вышине
в созвездьи Козерога,
промчавшись среди светил
над Солнечной рекой,

всего лишь об одном
прошу в глуши у Бога,
чтоб Он всегда хранил
наш шарик голубой.

"Гой ты, Русь, моя родная..."
Сергей Есенин

Гой ты, Русь, моя родная:
хаты в ризах, образа,
ни души в любимом крае,
только синь сосёт глаза.

Как заезжий богомолец
я люблю свои края,
ни селений, ни околиц,
погибает Русь моя.

Подмывает речка кости,
даже кладбища пусты,
на заброшенном погосте
все повалены кресты.

Зарастают лесом нивы,
заболотились поля,
в диких зарослях крапивы
вся окрестная земля.

И бушуют в небе грозы,
Жгут пророческие сны,
без деревни, связи с прошлым
нет и будущей весны.

Гой ты, Русь. В душе тревога.
Почему так горько мне
быть посланником у Бога,
сеять благо на земле.

* * *

Мир над пропастью завис,
нет нам искупленья.
Тянет в бездну, тянет вниз,
молча ждём спасенья.
Те, кто может ещё ждать
что-то понимает,
что над Матушкой-землёй
смерть с косою летает.

Патриарху Алексию II

Тих и скромн и спокоен,
и любовью переполнен,
и величием святым.
Много раз встречался с ним
я в своей земной юдоли
и не видел его боли,
и страданий от невзгод.
За собой паству ведёт
он уже в загробном мире.
С ним и храмы были шире
и молитва веселей.
Он из тех земных людей,
что любого мог утешить,
обогреть, вселить надежду.

Н. Рубцову

Одинокий, неприкаянный, как перст,
он метался в горьких поисках приюта,
от Никольского на сотни вёрст окрест –
в Тотьме, Вологде, Москве спешил к кому-то.

И уставший, словно выбившись из сил,
он стучался в двери друга дорогого,
но случалось, что и друг его забыл
и порой не привечал его такого.

Очень гордый он закатывал скандал,
материл друзей за ханжество, измену...
Он так много в своей жизни повидал,
настоящей дружбе знал святую цену.

Потому то все кто предал – не в чести,
хоть клянутся ныне искренней любовью.
Он давно своих обидчиков простил
и грехи омыл своей горячей кровью.

* * *

Благодарю судьбу и бью поклоны Богу
за счастье бытия, за дальнюю дорогу,
за новую зарю, за то, что говорю,
что я огнём горю – судьбу благодарю.

Вокруг меня – моё земное отраженье,
вокруг земли – моих речей и дум движенье,
и мой сердечный жар всю землю согревает,
и огненный пожар моей души летает.

Душа земли с моей в Создателе едины,
мы связаны вовек сердечной пуповиной,
всех жителей земли питают её соки,
но почему к земле мы как враги жестоки.

Я землю обниму своей душой усталой,
и с горечью пойму, что жить осталось мало
красавице земле, униженной собратом.
О, Господи, прости! Избави нас от ада!

Поезд Сыктывкар – Воркута

Болота, болота, леса и леса,
кустарники, ивы, багульник.
Мелькнёт между веток, как пламя, лиса
в том месте, где был Кожим-Рудник.

Посёлок закрылся, разбрёлся народ,
лишь лисы гуляют да волки.
А поезд на север идёт и идёт,
смотрю, как хиреют посёлки.

Они на костях здесь росли, на крови,
как эта на север дорога.
Пустые дома, где одни пустыри
со станций взирают убого.

* * *

Повсюду кличет вороньё:
"Войну давай, войну!
Долой буржуев и ворьё!
Спасай народ, страну!"

Не понимая, что войной
страну не защитить,
что, объявляя брату бой,
нельзя счастливым быть.

Что нам поможет только Бог
и Божья благодать,
что надо воевать с собой,
и страсти побеждать:

не пить, не злиться, не блудить
беречь отца и мать,
детей рожать, Христа любить
и мир оберегать.

На смерть поэта

По секрету всему свету,
потому и свет не мил,
что болтают про поэта
с кем он был и с кем не был.

Говорят, что пил без меры,
женщин не своих любил,
был скандальным кавалером,
даже дворникам грубил.

От таких нападок света
тьма в душе – покоя нет;
не марайте честь поэта.
он хороший был поэт.

* * *

Снится, снится тихий пруд,
скачут в поле кони,
дали родины зовут,
всё как на ладони:

дом, деревня и овин,
пруд у нашей бани,
сколько вёсен и годин
разлучён я с вами.

Но приехал – ни пруда,
ни деревни нету,
в диком поле лебеда
тянет листья к свету.

* * *

Остановились ходики на даче,
замёрзла батарейка на морозе.
Остановилось время и не скачет
по циферблату стрелка: ровно восемь.

Я целый день в работе пропадаю,
земля не терпит, на исходе осень.
Уж скоро грядки все перекопаю,
а погляжу на время: только восемь.

Опять тружусь, уже дрожат коленки,
последний луч бросает солнце в просинь.
Пора домой. И ходики на стенке
предупреждают: поздно, ровно восемь.

* * *

Как будто не про это
писать бы надо мне:
зелёная планета
сгорит в святом огне.

Сгорит и не оставит
вокруг ни деревца,
лишь только пепел станет
носиться без конца.

Оранжевое небо,
оранжевый песок...
От гибели планеты
стоим на волосок.

Раздел 2

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Бесконечная Любовь

Всё в этом мире преходяще:
и жизнь, и слёзы, и любовь,
и белый снег, с небес парящий,
и боль тюремная оков.

Один Господь в сей жизни вечен,
есть Бесконечная Любовь,
и потому мой путь беспечен,
пока хранит Его покров.

* * *

Безграничная любовь,
бесконечная,
что в наш грешный мир несёт
счастье вечное.
Счастье вечное в пути,
счастье личное.
Бесконечная любовь,
безграничная.

Мой Спаситель, не оставь
Своей милостью!
Сохрани меня в пути,
за грехи прости:
за сомненья, за дерзанья
высокие,
за везенье, за страданья
жестокие.

Я по снегу босиком,
но к Спасителю.
Поселиться б рядом с Ним
в той обители,
где всегда царит любовь
и участие,
где небесный рай Христов
дарит счастье.

* * *

Жизнь мерить вешками – не вехами,
смиряться скромными успехами,
хранить в душе покой.
Расти в молитвенном стоянии,
всегда быть в слёзном покаянии
наедине с собой.

Начать с грехов своих и немощей,
и со страстей,
что не изжил ещё,
живя всегда в посту,
и не хулить напрасно ближнего,
а возлюбить сильнее себя его,
молясь о нём Христу.

* * *

Горит вдали зелёный свет,
но путь закрыт и счастья нет,
по бездорожью много лет
один плутаю.

Один как перст в тиши ночной,
горит лампада предо мной,
стоит Христос – Спаситель мой
в лучах блистая.

И радость теплится в груди,
что Бог со мною впереди,
как путеводная звезда –
до двери рая.

И что мой путь не одинок,
всегда со мной Всесильный Бог
с Пречистой Матерью Своей
и рать Святая.

Перед восхождением к царскому кресту на гору Народная

Взмывает в небеса
душа моя как птица,
клубятся облака
в серебряной дали.

На солнце ручеёк
сверкает и искрится,
и весело плывут
по небу корабли.

И, что греха таить,
не раз в заветных грёзах
я плавал по морям,
в небесной вышине,
наперекор штормам,
ветрам и буйным грозам,
с Христом и Пресвятой Царицею в огне.

И вместе со Христом
в небесной звёздной сини
готов я всех любить,
весь мир земной обнять.
Лишь только бы всегда
цвела моя Россия,
звенел святой родник
и длилась благодать.

Пасхальное утро

Как будто красная вода
течёт среди равнин.
Заходит рыба в невода,
а я стою один.

Неужто прожил время зря,
нет счастья мне нигде.
Конь красный, как сама заря,
купается в воде.

Восходит солнце в небесах,
развеив мрак земной,
встречает Господа Христа
на берегу со мной.

Какое счастье, стыд и страх!
А врут, что нет чудес.
Играет солнце в небесах,
кричит: "Христос Воскрес!"

Пасха

Прокричали на рассвете петухи,
солнце красное поднялось на плетень,
стриж взметнулся в небеса из-под стрехи,
чтобы встретить раньше всех пасхальный день.

Всё ликует на земле и всё поет,
прославляет Воскресение Христа.
Звон кукушки мне из леса счёт ведет,
чтобы жил я, не печалюсь, лет до ста.

Я готов во Славу Божью вечно жить,
только дал бы мне Господь такой удел:

чтобы Господу и ближнему служить,
чтобы славил я Христа, как Он хотел.

Белый ангел

Белый ангел над землёю пролетел,
над лугами и полями снег идёт.
Я давно с тобою встретиться хотел.
Скоро снова наступает Новый год.

Снег кружится
и ложится на поля,
засыпает пожелтевшую траву.
Стала белою красавица земля.
Белый ангел,
ты мой самый лучший друг!

Белый ангел,
не печалься, не грусти!
Не порвётся,
не прервётся наша связь.
Мы с тобою не прошли всего пути:
жизнь не кончилась, а только началась.

* * *

Прошу не остави, прости меня, Боже
за все мои страсти, грехи.
А жизнь мне с годами милей и дороже,
всё чище и ярче стихи.

По Белому Бору таёжной тропинкой
бреду в тишине, не спеша.
За каждую пташку и Божью травинку
страдает и плачет душа.

И сколько отпущено Богом не знаю,
как долго по миру бродить?
Пока что живу, и сторонка родная
меня бережёт и хранит.

Перед иконой царя-мученика

Печальные глаза Государя
меня повсюду в жизни согревают.
С рассветом освящает их заря,
и солнце на лице его играет.

С молитвой тихой трепетно гляжу
на дивный лик святого Страстотерпца.
За взором глаз с волнением слежу
в надежде приоткрыть в мир Горний дверцы.

И угадать судьбы крутой излом:
что новый день мне, грешному, готовит?
Быть может смерть таится за углом,
а может страсти будут беспокоить,

А может мне Господь пошлёт друзей –
товарищей надёжных и сердечных.
А может новых творческих идей –
пронзительных, спасительных и вечных.

* * *

Бог воскрес из мёртвых
в тишине весенней.
Славьте, люди, славьте
Бога Воскресенье.

Он пришёл к нам с миром,
чтоб спасти в ненастье,
чтобы все могли мы
испытать с Ним счастье.

Чтоб, расправив крылья,
в небо полетели,
чтоб смогли добиться
в жизни главной цели.

Бог воскрес из мёртвых,
всем принёс спасенье.
Славьте, люди, славьте
Бога Воскресенье.

* * *

Мы связаны с тобой навеки –
Обитель радости и слёз.
Покрылись льдом ручьи и реки,
Играет молодой мороз.

И я иду в свою пустыньку.
Здесь мирно дышится, легко.
С иконы капают слезинки.
И так светло, и высоко.

Мороз крепчает, мёрзнут ели,
Синички зябнут на сосне.
И сладко мне под вой метели
Молиться в полной тишине.

* * *

Хочется всё петь и петь, и петь,
что ж не петь когда всю поётся,
хочется на небо полететь,
хочется достать рукой до солнца,

Хочется любить и обнимать
шар земной и каждую букашку,
хочется всего себя отдать,
снять с себя последнюю рубашку.

И по чисту полю босиком
в небеса идти навстречу Богу.
Господи, как дышится легко,
если освещаешь Ты дорогу.

* * *

Не манят больше миражи,
мой горизонт пушист и светел,
на звонкой дудочке души
играет лучезарный ветер.

И ничего, что день с утра
начался ветрено и хмуро,
что донимает мошкара,
и тучки движутся понуро.

Что дождь и слякоть на дворе,
что весь насквозь сию простужен,
и всё же я кому то нужен,
хотя бы этой мошкаре.

В келье пустынника

Свет голубой, васильковые дали,
тихий звенящий покой.
Берег крутой, словно замок хрустальный –
домик в тиши над рекой.

Кто бы тут мимо его не проехал,
иль по реке не проплыл.
– В дом заходите! – зовёт в гости эхо –
чаем, ухой угостим.

Путники рады, заходят с дороги,
ждёт их и чай, и обед,
– Есть кто живой? – тихо спросят с порога.
Лишь тишина им в ответ.

Двери открыты,
 стоит стол накрытый,
а за столом никого.
Рыба, грибочки, морс, в кружки налитый,
снеди лесной полон дом.

Ну, а хозяин оставил записку:
"Здесь вам обед и приют.
Сам я ушёл и отсюда не близко,
только под вечер приду".

В долгих трудах и молитвах проводит
дни напролёт в тишине.
Только поспать в дом свой к ночи приходит,
утром – в тайгу налегке.

Старый монах он живёт как отшельник,
в дикой безлюдной глуши.
С кем-то несчастье, то он, Божий пленник,
к людям на помощь спешит.

Был я в том замке, избушке таёжной,
видел того старика.
Славный дедуля живёт осторожно,
доля его не легка.

* * *

С Новым Годом!
С Рождеством Христовым!
Время замедляет быстрый бег.
В окнах ёлки светятся, и снова
падает на землю тихий снег.

В эту ночь в вертепе Вифлеема
родился Господь Иисус Христос.
Маленьким Младенцем перед всеми
Он простым ребёнком с детства рос.

Но, узнав, что Бог на свет родился,
что Он будет Царь среди людей,
царь земной на Господа озлился
и решил убить Его скорей.

Ведь никто тогда не мог поверить,
что Мессия будет бедняком,
что скитаться будет с колыбели,
силой Божьей в странствия влеком.

Что Он будет с Рождества
изгнанник,
и в чужой стране, в чужом краю
возрастать в Христа – великий
Странник,
исполняя Миссию Свою.

Но царь Ирод, нет злодея гаже,
чтоб убить Христа – Царя Царей,

приказал своей жестокой страже
уничтожить всех грудных детей.

В Вифлееме и его округе
сорок тысяч пали за Христа,
сорок тысяч протянули руки
к небу, чтоб ребёнок Богом стал.

Чтоб исполнил путь Свой искупления,
за людей распявшись на кресте,
чтоб всем детям принести спасенье
в вечной жизни – в Господе Христе.

И когда Спаситель в Иудее
стал о Царстве Божьем говорить,
то уже священники злодеи
собрались опять Его убить.

"Не убий!" – гласит закон скрижали,
данный Моисею на горе,
а Христа священники предали
на мученья в их слепой игре.

И распят Господь был на Голгофе,
приколочен к дереву креста,
и, когда Он душу Свою отдал,
лишь тогда Царем Небесным стал.

И две тыщи лет идут за Богом,
по Его стопам на пытки, смерть.
Христианам в радость быть убогим,
счастье – лютой смертью умереть.

Чтоб разрушить сил земных оковы,
не отвергнув своего креста,
в бой вступает Воинство Христово
и идёт на небо за Христа.

О вечном с Богом говорить,
как сладко, Боже мой!

* * *

По белой пороше, по первому снегу
пройдуь первопутком.
Промчатся все мимо, обдав меня газом,
шалыные попутки.
А кто я, откуда, куда направляюсь? –
никто и не спросит...
Никто не приветит, не примет участия,
никто не подбросит.

А снег словно сахар покрыл все просторы –
изысканно белый.
Иду по морозцу, не ведая страха, –
весёлый и смелый.
О чём мне крушиться, когда под ногами
прямая дорога,
Когда со мной рядом дыхание слышу –
дыхание Бога.

Ангел

Он прилетел издалека
в мою печальную обитель,
развеял в небе облака
и солнце опустило нити
на тихий лес, цветущий сад,
и стало тихо и спокойно.
Я был ему безмерно рад,
и думал: "Нет, я не достоин".
А он присел со мной за стол,
и говорил, в лучах блистая.
А я пред ним был наг и гол,
но чувство: крылья вырастают.

В.С. Высоцкому

Через кладбище по броду
перейду, не трону воду,
не предам судьбу народа,
отведу разруху бед.

Смерть оставлю у порога
с верой в ангела и Бога,
я пойду своей дорогой
на чудесный Божий свет.

Помогите людям, братцы,
через омут перейти
и с колен в бою подняться,
своего коня найти.

Я за счастье и свободу
верой-правдой послужу,
за спасение народа
буйну голову сложу.

Чёрным призраком в тумане
дьявол головы дурманит,
за собой в погибель манит,
веселя в соблазнах кровь.

Прочь с дороги, злые бестьи.
На Святую Русь не лезьте!
Нас спасут благие вести
и Христовая Любовь.

* * *

Я равнодушен стал к людским страстям,
иное счастье мне ласкает душу.

Я поклоняюсь неземным властям,
Лишь им готов служить,
их только слушать.

Я до креста
готов любить Христа
и крест свой до Голгофы донести,
готов на казнь, чтоб мир добрее стал,
чтоб грешный мир от гибели спасти.

* * *

Защити меня от бед,
чистая река, –
Дальний берег, дивный свет,
отчие луга.

Много лет в краю родном
среди лесов я жил,
позабыв про отчий дом,
Господу служил.

Весь израненный в бою
с чёрной силой зла
вновь о Господе пою,
чтобы жизнь цвела.

* * *

Прохожу по краю,
жизнь свою гублю,
Господу внимаю,
Господа люблю.

Справа смерч бушует,
слева ураган.
Господа люблю я,
он мой Капитан.

С Ним и смерть прекрасна,
пусть в чужом краю.
Радостно и ясно
с Господом в раю.

* * *

Не буди во звере лиха,
не смотри в глаза.
Свете Ясный, Свете Тихий –
Чистая Слеза.

С покаяньем к Всеблагому
в ноженьки упасть,
чтоб изжить нападки злого,
победить напасть.

Чтобы не было печали,
не было тревог,
чтобы ангелы встречали,
и хранил нас Бог.

* * *

Вся земля теплом согрета:
солнце, тишь да благодать.
Отзвенело бабье лето,
скоро будет холодать.

Поредел лесок у речки,
листья золотом горят.
Три берёзы словно свечи
вдоль тропинки встали в ряд.

Помолюсь перед закатом,
встану прямо на восток,
чтобы жил народ богато,
чтобы этот мир берёг.

* * *

Горькая кручина,
дальняя дорога,
скорая кончина –
всё во власти Бога.

Все мы в этом мире
странники – не боле.
Надо только следовать
в жизни Божьей Воле.

Я суму на плечи
вскину утром рано,
побреду по свету,
ветром в поле стану.

Стану я стучаться
в ваши окна, двери,
чтобы приютили,
чтобы обогрели,

чтобы пожалели,
горю услужили,
душу отогрели,
спать бы уложили;

чтоб с утра в дорожку
дали, Христа ради,
хлебушка горбушку
да напиться на день;

чтобы провожая,
не судили строго,
чтобы помолились
о душе убогой.

* * *

На многие века зелёная планета
оставлена одна в космической тиши.
Здесь зреют семена любви и искры света,
возносят к небесам огонь моей души.

Зажгу костёр любви, горящий алой кровью,
чтоб жертвенный огонь поднялся до небес,
согрею всех теплом и светом, и любовью:
и этот ближний луг, и тот далекий лес.

Сплетусь душой своей с корнями всех растений,
цветением буйных трав устрою брачный пир.
Из всех святых миров и неземных селений
мне всех милей земля и наш зеленый мир.

* * *

Не ждите Божью благодать,
хуля на Бога.
Придёт Господь, как Судия,
и взыщет строго.

Накажет за малейший грех,
за зло любое,
за скрытость низменных утех –
всё Бог откроет.

Всем лицемерам, блудникам
гореть от Бога,
за наш обман и гнусный срам
Бог взыщет строго.

За все грехи ещё придёт
сполна расплата.
Ещё, прострелянная в лёт,
душа заплачет.

* * *

Прося защиты у Богов,
молюсь за близких и врагов:
я дружбу свято берегу,
но знаю цену и врагу.

Спасибо вам, мои враги,
что от огня уберегли,
что я не слышал вашу лесть,
что сохранили мою честь.

Спасибо вам за зло и грязь,
что не могу сейчас упасть,
за то, что сердцем не погас...
Спасибо. Я молюсь за вас!

* * *

Горное эхо от снежных вершин
в клочья туман разметало.
Над перевалом восходит в тиши
яркое солнце Урала.

И озаряет вершины и лес,
наши палатки и речку.
Дивно сияет на Народной крест,
теплятся красные свечи.

Я помолюсь за родных и друзей,
и о спасеньи России.
Бог меня слышит. Он с нами. Он здесь:
рядом стоит в небе синем.

* * *

Который день душа моя скорбит:
жизнь истончилась, тихо угасает.
А над полями бабочка парит,
с цветочка на цветок перелетает.

Зачем скорбеть, о прошлом горевать,
о лучшей доле плача и взыскуя.
Когда вокруг такая Благодать
и Божий мир от радости ликует.

И не беда, что поезд мой ушёл,
что кони, сбросив наземь, ускакали.
Настанет день, всё будет хорошо,
и отойдут все беды и печали...

* * *

Снег искрится за окном –
белый, белый,
мир, укутанный в снегах,
стал невидим.
Разукрашена земля
белым мелом,
лишь синеют небеса –
синим, синим.

Дым над крышами домов
вьётся, вьётся,
поднимается из труб
прямо в небо.
Как же, милые мои,
вам живётся?
Как харчуются
в помойках без хлеба?

А бездомные бичуют на дачах,
замерзают по подвалам, на крышах.
А умрут –
 никто о них не заплачет,
только уши отгрызут у них мыши.

* * *

Дождь стучит, стучит по мостовой,
барабанит по железной крыше.
Замер на дороге постовой,
каждый шорох в час рассветный слышит.

У него задача охранять
наш покой и правовой порядок.
Я же, чуть рассвет, иду гулять,
помолиться мне о ближних надо.

Прохожу Фонтанку и Кресты
в дождь ли, в снег или в лихую стужу,
я бреду в свой храм за три версты,
неизвестно кем с утра разбужен.

Город спит и новую зарю
с постовым на пару мы встречаем.
– "Будь здоров, служивый!" – говорю.
– "Будь здоров!" – кивая, отвечает.

А заря разлилась над Невой,
шипль Адмиралтейский ранил небо.
– "Красота! Ну, что, тебе домой?"
– "Да, пора. Твои заботы мне бы!?"

Постовой уходит в тёплый дом,
я молюсь о нём, о ближних, дальних.
Как бы обогреть мне всех теплом –
И родных, и путников случайных.

* * *

Я лежу на травушке
на родной сторонушке,
во поле журавушка
жалобно кричит.
Нет деревни Рыбное,
нет и Коротенского,
обезлюдела земля,
заросли ключи.

Не родится больше рожь,
лен не сеют и овёс,
нет пшеницы, нет свеклы,
лишь бурьян растёт.

Там, где жали хлеб в полях,
лесом заросла земля,
превратился отчий край
в заросли болот.

Плачет иволга в кустах,
соловейка голосит.
Вам то чтобы здесь не жить? –
настоящий рай.
Вот придет желанный срок,
я вернусь к вам, видит Бог.
Там, где отчие кресты,
буду помирать.

* * *

Небо осени светлей,
всё светлей и выше.
Сладкозвучный соловей
не поёт над крышей.

Улетел на дальний юг,
где жара и лето.
Осень, осень, милый друг,
лучший друг поэта.

Лес осенний, словно сон,
шлёт любовь, участие.
Воздух тих и невесом,
в паутинках счастья.

Возле каждого куста,
возле каждой кочки
на блокнотный снег листа
шлёт Господь мне строчки.

* * *

Жизнь паутинкой, нитью белой
довольно быстро пролетела,
довольно быстро пронеслась, –
не надышаться было всласть,

ни выстрадать, ни насмотреться,
ни утолить желанья сердца,
ни израсходовать полсилы
во благо матушки России,

во благо матери своей
и не рожденных сыновей,
и дочери, что без меня.
Исчезнет жизнь в пылу огня,

сгорит, раздав тепло и счастье,
отдавшись в руки высшей власти.
Но хочется лишь жизни верить...
Как сладко жить в когтях у смерти!

* * *

Законы мира злы, коварны и жестоки.
Я предаю огню божественные строки, –
пусть их Господь хранит,
пусть тешит и лелеет,
мой каждый новый стих пред Богом пламенеет.

Я предаю огню стихи своей рукою,
я жгу их,
 чтоб хранить для вечного покоя.
Ничто не пропадёт пред Вечностью и Богом,
пусть судит меня Бог своим законом строгим.

* * *

Приобретение недуга
произошло не зря, –
нашёл Учителя и Друга
пред Светом алтаря.

Смиренно, в упоении счастья,
при сладостной борьбе
несу покой, любовь, участие
и радуюсь судьбе.

* * *

Чтобы жизнь не показалась сладким мёдом,
чтобы жизнь не показалась чистым раем,
я, поверженный невидимым микробом,
все болею и болею..., умираю.

Всё чихаю и чихаю, горло сушит,
слёзы льются днём и ночью, хоть не плачу,
голова горит огнём и кашель душит,
сердце рвётся из груди, куда-то скачет.

Жизнь устроила мне отдых от работы:
всё лежу теперь на койке и читаю,
словно в праздник, все отброшены заботы,
наслаждаюсь...
и лекарства вот глотаю.

* * *

Архистратиге Божий Михаил,
спаси от новых бед мою Россию,
и с воинством небесных Божьих сил
пошли на Русь Спасителя Мессию!

Чтоб Он привёл Отечество к Христу,
к Его великой православной вере,
чтоб каждый человек, молясь кресту,
в Христа как Искупителя поверил.

Спаси Россию, Боже, от невзгод,
потопов, засух и неурожая!
Пусть будет Богоносным наш народ,
и Вера пусть хранит его живая!

День Господень

Снова снег идёт весь день:
выбелил поля.
В день воскресный, день Господень
светится земля.

Хоть и май уже встречают
вешние ручьи,
но по солнышку скучают
чёрные грачи.

Прилетели, мирно ходят
по полю в снегу...
День воскресный, день Господень
в сердце сберегу.

Гроза

Надвигается гроза
молнии сверкают,
словно Господа глаза
яростно блистают.

И гремит на небе гром,
как святой набат,
и накрыл наш старый дом
с ливнем крупный град.

Кто прогневал небеса?
Кто наш мир нарушил?
Плачут Господа глаза,
видя наши души.

* * *

Ангел мой, иди со мной!
Истина проста...
Под звериный злобный вой
с Богом до креста.

Пусть беснуется толпа,
и глумится ад.
Ангел мой, возьми с собой
в дивный Божий сад.

В Сийском монастыре

В Божьем царствии царит
тишь и благодать,
и присутствие Христа
ярче солнца светит.

А у нас, который день,
неба не видать,
и беснуется пурга,
злобно воет ветер.

В Сийской пустыни тепло,
свечечки горят,
хор монашеский поёт
боговдохновенно.

Над амвоном, в вышине,
ангелы парят,
славят Господа Христа
с нами во Вселенной.

Мир небесный и земной
в тишине слились.
С Образов глядят на нас
радостно Святые.

Души грешные с земли
в небо вознеслись,
умоляя защитить
Матушку Россию.

* * *

Жизнь пустынная моя
в золоте берёз,
счастье ласкового дня,
ночь в молитвах слёз.

Свежий запах родника,
сладкий запах роз,
о любви шумит река,
и звенит покос.

О любви большой к реке,
к золоту полей,
к птицам, людям вдалеке,
к родине моей.

* * *

Давно не хочется никого побеждать
И, тем более, кому-то доказывать,
что я лучше других.
Единственная моя мечта –
быть с Богом,
как в этой временной жизни,
так и в загробной,
чтобы удостоится Царствия Небесного,
чтобы Господь взял меня
в свои Небесные Обители,
хотя бы притулиться там у самого краешка.

Большинство из современных хозяев жизни –
людей успешных и популярных –
будь то: артисты, политики, бизнесмены,
певцы и даже многие поэты –
служат отнюдь не Богу
и, стремясь к славе, почестям

и райской жизни на земле,
в рай небесный вряд ли попадут.
Все их достижения и успехи
не стоят одной слезинки ребёнка
перед Божьими очами.

Спаси меня, Господи, и сохрани
от безумства возноситься над другими людьми.
Всели в сердце моё
ко всем людям в этом мире:
смирение, кротость и любовь,
потому что каждый человек,
хороший он или плохой, –
образ Бога нашего Иисуса Христа –
Спасителя мира,
искупившего человечество своими страданиями,
мученической кончиной и кровью.
Ведь самый плохой человек
у Господа может оказаться святым
и, попав в рай, стать там одесную Христа.
Суды Божии
нельзя понять человеческим разумением.
Что плохо у людей,
у Господа может быть хорошо.

Прости меня, Господи, за все мои прегрешения –
вольные и невольные, –
за осуждение ближних!
Прости меня, Господи, и спаси!

Ангелу-хранителю

Лучше перейду под кроны лип,
чем стоять и мокнуть под дождём.
Что меня мочить, ведь я не гриб,
переждём мы дождик, подождём.

Будут ещё солнечные дни,
будет в небе радуга сиять.
Будем мы с тобою не одни,
перестань, не надо горевать.

Ангел мой хранитель, подожди,
ты и так от бед моих устал.
Отшумят осенние дожди,
праздник наш пока что не настал.

* * *

На камушке за доченьку
в тиши лесной молюсь,
за всех родных и близких мне,
столь дорогих людей.

За бедную и славную,
униженную Русь
и за врагов озлобленных,
и за слепых вождей.

Скитаясь в дни безцарствия
по выжженной Руси,
смотрю как ржа сердечная
над миром расплзлась.

Молю одно у Господа:
"Спаси и сохрани
страну мою над пропастью
продажности и зла".

Торгуют воры Родиной
и недрами земли,
торгуют нашей памятью
и славою отцов.

Всё наше достояние
на запад увезли
и выбрали кумирами
пройдох и подлецов.

И смотрят как в агонии
беснуется народ,
и травят суррогатами,
и дурят напоказ.

И думают, что наш народ
дурак и идиот,
что, умные они и впредь
дурачить будут нас.

И горько от сознания,
что подлые в чести,
что воры и предатели
до власти дорвались.

Но хочется надеяться,
что Русь Господь простит,
очистит от ненужного
и вновь поднимет ввысь.

* * *

На ближних злобу не таил
и не высказывал,
всегда во всём себя винил,
себя наказывал.

Коль неприятности, беда –
не клял их попусту,
просил прощения всегда,
не гневал Господа.

И на себя я больше злюсь,
стою у пропасти,
а за обидчиков молюсь:
– Спаси их, Господи!

* * *

На праздник, на Казанскую
заплакал шар земной:
как будто небо и земля
прощаются со мной.

Поеду я в Ульяново,
на службе постою,
акафисты с монахами
тихонько попою.

У Зосимы с Савватием
молитвы испрошу,
за всех болящих и родных
молебны закажу.

И сброшу тяжкий груз грехов,
очищу боль души
и станет сразу хорошо,
и станет легче жить.

* * *

Улетают в даль года
журавлиной стаей,
неотступная беда
жизнь мою листает.

Для житейских дел не стар –
возраст Иисуса –
поседел, ослаб, устал,
не спасает муза.

Через сны уходит в ночь
одиноким поезд,
многим не успел помочь,
многими не понят.

Многим на моём пути
горе очи выжжет,
многих предстоит спасти
в опустевшей жизни.

Но в полуночном бреду,
при смерти, о, Боже,
разделить мою беду
кто же мне поможет?

* * *

Жизнь пламенеющей свечой
горит и тает.
Мой ангел с Матерью-Землёй
меня прощает,
приносит радость каждый день,
приносит счастье,
прощальный вздох,
прощальный взгляд –
зима участия...

Зима...
И долгий путь во тьме,
и Свет всесильный...
Храни меня, мой Серафим!
Храни, Россия!
Храни от бед и от побед,
и от гордыни,
и от тюрьмы, и от сумы...
Моли о сыне!

* * *

Нам рано прощаться, махая рукой,
нам рано ещё уходить на покой
в далёкие страны...

Нам рано, дружище, не вышел наш срок,
ещё повоюем, спаси тебя Бог!
Нам рано, брат, рано!

Нам рано прощаться, наш час не приспел,
ещё обрести я Христа не успел,
дойти до Мессии.

Нам рано встречаться на той стороне,
еще повоюем на этой войне
за мир и Россию!

* * *

Я провожаю свой корабль
в далёкие края,
где светит солнце, где тепло,
где родина моя.

Где каждый встречный моему
приходу будет рад,
где нет врагов, и все вокруг
обняться норовят.

Я провожаю свой корабль
из мира зла и лжи,
из мира скорби и страстей,
что во грехе лежит.

Туда, где радость и покой,
где мой Отец и Мать,
туда, где царствует любовь,
и всюду благодать.

Я провожаю свой корабль –
лети, душа, лети!
Прощай, любимая земля!
Прости меня, прости!

* * *

Нисходить до немощей других
и молить Христа за самых падших,
не судить людей за их грехи,
поднимая грешников упавших.

Не судья я – судит только Бог,
самому б не сесть случайно в лужу.
Может это я их не сберёг,
может грех мой будет в сто раз хуже.

Умоляю, Господи, прости,
что я осуждал кого-то рьяно,
и не дай грехи их понести,
чтобы не пропасть в разврате пьяном.

* * *

Каждый день торопимся, спешим,
всё боимся опоздать куда-то,
спотыкаясь, падаем, грешим,
предаёмся пагубным усладам.

Набиваем шишки, синяки,
раним в кровь свою святую душу.
И уже не так шаги легки,
и не можем больше Бога слушать.

Жизнь прожить – не поле перейти:
сто препятствий лягут на дорогу,
только б не сойти с того пути,
что ведёт на небо, прямо к Богу.

Стефановский крестный ход

Крестным ходом со Христом
и апостолом Стефаном
по весне мы в Иб идём
из собора очень рано.
Улыбается народ,
звон повсюду колокольный,
Пасха снова настаёт –
Воскресение Христово.
Мир ликует и поёт,
много солнца, много света.
И вдоль Сысолы цветёт
лес черёмуховым цветом.

600-летие успения Стефана Пермского

Со Святейшим в тишине
северной, весенней
коми люди на заре
в храме Вознесения.
Тихий возглас, мирный глас,
слаженное пение,
и взирает с неба Спас,
шлёт на нас спасение.
Улыбается Стефан
с праздничной иконы.
Люди, целый океан,
бьют ему поклоны.

Снег на Покров

Белым, белым, белым снегом
ночь укутала дорожки,
чистым, чистым покрывалом
мир земной одел Покров.
Я проснулся утром рано,
заглянул в своё окошко:
снег искрится и сверкает,
что за чудо – нету слов.
Снег блистающим покровом
лёг на улицы и крыши,
разметался по аллеям,
сделал город молодым.
Вдруг из нашего подъезда
человек из дома вышел,
а за ним по тротуару –
нитью чёрные следы.

В Усть-Вымском монастыре

В Усть-Вымской Трёхсвятительской
часовне постою,
за близких и родителей
молитвы пропою.
Здесь святостью пропитаны
и воздух, и леса,
и солнечными нитями
прошиты небеса.
И рыба вдоволь ловится,
и сладок печек дым.
Гудит набатом звонница
под небом голубым:
святых сзывает кликами,
зовёт издалека,
чтоб Русь хранить великую
и Коми на века.

* * *

Страстная пятница – страсти Господни.
Что принесёт этот день мне сегодня?
Ветер деревья к земле пригибает,
Снежную крошкой в лицо мне швыряет.

Холодно, сыро в лесу, неуютно.
Тянутся, тянутся долго минуты,
Еле ползут как в промозглую осень.
Страстная пятница – страсти Господни.

* * *

Нас не радуют погодой дни весенние:
то метель, то снег с дождём, то снегопад.
Скоро Пасха – День Святого Воскресения,
каждый солнцу в этот праздник будет рад.

Вместе с Господом Христом оно появится,
всё вокруг своим сияньем озарит.
Снег растает, расцветёт земля-красавица,
мир уснувший снова к жизни воскресит.

Нас не балуют погодой дни весенние...
ну и пусть, мы непогоду переждём.
Вместе с Господом всегда нам Воскресение –
радость Пасхи хоть в метель, хоть под дождём.

В Кылтовском монастыре

Над Крестовым станом встану
в Кылтовской тиши,
умолять Христа я стану,
чтоб воскресла жизнь,
чтобы жили все, как прежде,
в святости души.
Чтоб лелеяли надежду –
вечно с Богом жить,
чтобы Русь была Святою,
так же как и встарь,
чтоб хранил нас Бог с тобою,
Бог и Государь.

* * *

Взметнувшись к звёздным небесам
сквозь загражденье туч,
стал верить Божьим чудесам
и понял к счастью ключ.

Пройдя по острию ножа,
где рыщет волком смерть,
я понял: жизнь ещё нужна,
чтоб многое успеть.

Я стал ценить её за миг,
за воздуха глоток
и многое потом постиг,
что раньше знать не мог.

И много в жизни предстоит
мне Богу послужить.
Покуда Бог меня хранит
мне дальше надо жить.

* * *

Дорога далека и песня не допета.
Бреду среди снегов, который год подряд.
Но после холодов вновь наступает лето.
И снова журавли на север к нам летят.

И расцветает жизнь как тоненький подснежник,
выходит из земли спасительный росток.
И, радуясь земле, поют все птицы песни.
И по стволам берёз течёт весенний сок.

Я оживу душой, лишь только снег растает,
Отдам тепло земле, возьму земную грусть.
Не верьте, что я мёртв, когда меня не станет.
Я просто отошёл, но я ещё вернусь.

Раздел 3

С ПРИРОДОЮ В ЛАДУ, И С ГОСПОДОМ В ДУШЕ

* * *

Небо высокое, синь поднебесная,
в золоте листьев покос.
Снова шагаю тропинкой воскресною
в золото русских берёз:

Чтобы бродить под весёлыми флагами:
клёнов, берёз, тополей,
чтобы напиться живительной влагою
родины милой моей.

Пряные запахи жухлой акации
– чистый бальзам для души.
Только под вечер до маленькой станции
вновь прихожу из глуши.

* * *

Сбежать на дальний бор,
чтоб боль души не множить,
полазить по лесам
на диком кураже.
И, вроде бы не зря,
ещё один день прожит:
с природою в ладу,
и с Господом в душе.

Всё остальное муть –
успехи, достиженья,
награды, кутежи
и встречи средь друзей.
Не более чем суть
слепого униженья

израненной души
божественной моей.

Душа, как родничок,
в тиши пробьётся к свету
и весело звенит,
не ведая преград.
И даже паучок,
сорвавшись с ближних веток,
всё может замутировать,
нарушив мир и лад.

* * *

Уйти на целый день в леса,
чтоб успокоить свою душу,
и слушать птичьи голоса,
и шёпот трав, и листьев слушать.

Зажечь костёр на берегу,
смотреть, как гладь ручья струится
и отдышаться на бегу,
от всех забот освободиться.

И вспомнить, что я не успел,
забыть заботы и усталость...
Хотя ещё так много дел...
Так мало времени осталось.

* * *

Снегопад, снегопад
 заметает дорожки,
заметает тропинки вдали на юру.
Побреду через лес
 до забытой сторожки,
что стоит в глухомани
 в сосновом бору.
На отшибе, в лесу
 мне спокойно и тихо,
лишь сороки
 о чём-то сорочьим трещат.
Забредёт ко мне в гости слепая лосиха,
да пожалует пара пушистых зайчат.

Угощу их я хлебом
 и сладкой капустой,
как-никак и для них Новый Год настает.
Пусть живётся им сладко и будет не пусто,
и ещё...
 пусть охотник на суп не убьёт.

На Белоозере

На озёрном зеркале
разошлись круги.
Мне лещи и окуни
вовсе не враги.

Я люблю по Вычегде
сплавать до озёр
на рыбацкой лодочке
на сосновый бор.

Здесь на Белоозере
клёв стоит всегда;

сосны корабельные,
чистая вода.

Среди беломошника
белые грибы,
рыба так и плещется,
хоть веслом гребни.

* * *

Удили мы рыбу
с чайкою вдвоём,
чайка всё ныряла
в тихий водоём...

Я на бережёчке
рыбку подсекал,
а она ловила
с голого пенька.

У меня срывалась
рыба всякий раз.
Вижу, чайка снова
наострила глаз...

Вот опять поймала
рыбку в клюв-крючок,
думает, наверно:
"Ну и рыбачок!"

* * *

Так много на земле добра, тепла и света,
и радостью земной наполнен каждый день.
Я человек земли, земля моя планета,
земная благодать нисходит на людей.

Как хорошо бродить по радостным просторам,
дышать лазурь небес и воду с жаждой пить.
И наблюдать наш мир, открытый нежным взорам,
пред всем благоговеть и всё душой любить.

Прекрасен Божий мир: все Божии созданья,
трудога-муравей и даже комары.
Не потерять себя б, в пределах Мирозданья,
не улететь с земли в иные бы миры.

* * *

Деревня Слобода –
три дома на пригорке,
сгоревший старый двор,
да погнутый забор.
И, жмурясь, старый дед
чадит свою махорку,
выходит покурить
на солнечный бугор.

Внизу в тумане лес,
петляет лентой речка,
сосновый Белый Бор
раскинулся вдали.
По берегу снуют
повсюду человечки,
а по реке плывут
моторки, корабли.

От прошлой Слободы
три домика осталось,
усады, огород
и очень древний крест.
И старый дед кряхтит,
встречая свою старость,
у чёрного плетня,
что ставил его дед.

2006г.

* * *

Вьюга вторую неделю
сказку в лесу ворожит.
В лапах заснеженных елей
Емвалька мирно бежит.

Ёлочки в шубки оделись,
встали над речкою в ряд.
Сосны от стужи зарделись,
свечками Богу горят.

Господи, даруй мне силы
душу свою сохранить!
И до креста, до могилы
мир этот Божий любить!

* * *

То дождь, то снег, то снег с дождём –
такая карусель,
а мы всё зиму в гости ждём,
а к нам опять апрель –
то в октябре, то в ноябре.
Ну, где же ты зима?
По слякотной такой поре
нема её, нема:
который день то по лыжне,
на лыжах беговых,
то по грязи, в сплошной кашне,
в броднях резиновых...
На речку рыбку половить
спешу, среди снегов,
и сразу же уху сварить
когда готов улов.
То лодку надо, то коньки,
то лыжи расчехлять,
весёлые пошли деньки...
Опять иду гулять:.
на всякий случай в свой рюкзак
беру к бродням доху,
палатку, валенки, пиджак
и шубу на меху.

* * *

Бросает призрачный восток
на землю тёплый взгляд,
и каждый Божий лепесток
безмерно солнцу рад.

Цветочки в полный рост встают,
резвится мошкара
и птицы весело поют:
и мне, мой друг, пора –

на Белый бор, в тиши лесной,
бруснику собирать,
восходит солнце над рекой:
какая благодать!

* * *

Перелески и поляны,
можжевеловый настой,
запах леса – запах пряный,
ёлки-палки, лес густой.

На сосне сидит ворона
и орёт на всю тайгу:
– Кар, товарищ мой знакомый,
Вы, кар будто, не в дугу?

– Нет, ворона, я не пьяный,
от весны хмелеет кровь.
Запах леса, запах пряный
дарит радость и любовь.

За морошкой и брусникой

На речке, отбросив земные заботы,
смотрю, как плывут мимо нас пароходы,
и вдаль уплывают под флагом России,
и тают, и тают в безбрежности синей.

И сам уплываю я в дальние страны,
где жаркое солнце, кокосы, бананы,
прогулки на яхте, песчаные пляжи,
красотки в бикини одна другой краше.

Мечта, а не отдых без дел и заботы,
но, впрочем, довольно, пора за работу
к своим "попугаям" на севере диком...
Пора за морошкой и кислой брусникой.

* * *

Напои водой живую,
говорливый ручеёк.
Я склоняюсь пред тобою
после тяжести дорог.

И, сорока-белобока,
не кричи ты так с ветвей,
не ругай меня, сорока,
я же свой в тайге твоей.

Я же с миром,
 не с двустволкой,
к вам пришёл.
 Давай дружить.
Звери все
 и даже волки
мне готовы услужить.

Вешний разлив

В тихой глади озёрной
мирно купается лес.
Кто-то промчался на лодке моторной
и в синей дымке исчез.

Вот и рыбак на вечернюю зорьку
вышел попробовать клёв.
Бросил приманку, присел на пригорок,
вытащил первый улов.

Громко закрикала в пойме утица,
звонко зачищал кулик.
Хочется плакать и Богу молиться:
Господи, как Ты велик!

* * *

Затих осенний лес, в нём ни души,
Никто у тихой речки не гуляет.
Любуюсь как по ветру камыши
Пушинки парашютиков пускают.

Вразброд вороны каркают вокруг.
Сороки длиннохвостые стрекочут.
И дятел на сосне, мой старый друг,
Стучит морзянку – видно клюв свой точит.

И радостно осеннею порой
Ловить снежинки ртом и наслаждаться,
Смотреть, как торопливою гурьбой,
Они на листья жёлтые ложатся.

Так хорошо в заснеженном лесу,
Когда весь мир вокруг пушист и светел.
Увидеть пробежавшую лису
И птичек, что резвятся словно дети.

* * *

Вычегда, Вычегда чистые воды
тихо вдоль Эжвы несёт.
Целых три дня ждал я клёевой погоды,
рыба опять не клюёт.

Вроде и волны по речке не ходят,
дождь перестал моросить.
Вижу как щучки по зарослям бродят.
Чем этих щук угостить?

Новой наживкой иль старой приманкой,
блёсен сменил целый ряд.
Щучки всё так же как и спозаранку,
в заводи мирно стоят.

Поздняя осень,
всё ближе к предзимью,
рыба ушла в глубину.
Только вот щучки гуляют меж льдинок,
но не поймал ни одну.

* * *

Иду по опушке заброшенной стёжкой,
смотрю как с берёзы свисают серёжки
по две и по три с каждой веточки сразу
сверкают на солнце, как будто алмазы.

Душа замирает в порыве высоком —
из почек, налитых берёзовым соком,
листочки, как птички, проклюнулись к свету
и машут мне крыльями с тоненьких веток.

* * *

Верится – не верится,
сбудется – не сбудется.
Белая метелица
под окошком крутится.

Бесится и бесится,
замела все улицы.
Девушка невестится,
на милого дуется.

"Ох, как видно не придёт
милый на свидание".
За окном метель поёт –
вот и все страдания.

* * *

Солнце за дальним лесочком
за горку садится.
День догорает
на склоне потухшего лета.
Солнце зашло,
и замолкли в округе все птицы,
солнце зашло,
и не стало тепла вдруг и света.

Ночь опустилась над миром,
всё тише и тише.
Только завывала,
тоску нагоняя, собака.
Зашебуршились,
по дому забегали мыши,
да замыкал,
услышав их, кот-забияка.

Печка трещит и трещит,
пар над нею клубится –
чайник забулькал,
запел в тишине свою песню.
"Что, кот Василий,
или молочка нам напиться?
Чай с молочком
вечерять будет, чай, веселее".

* * *

Рано, рано на реке
солнышко встаёт.
Тихо, тихо вдалеке
иволга поёт.

Чайки весело галдят
на речной мели.
Одинокие стоят
молча корабли.

Очень сладко у реки
спать среди берёз.
Слушать шум ночной тайги,
дальний перевоз.

И, проснувшись поутру,
вместе с пеньем птиц,
любоваться на игру
белок и синиц.

* * *

Набежал ветерок и затих.
Комары, и букашки, и мошки
лезут в ноздри и в уши, и в стих,
целый рой их несу я в лукошке.

За грибами на дальний ручей,
за брусникой и клюквой собрался,
на болоте поднял косачей,
только след их на кочках остался.

Улетели. Вновь тишь и покой,
только грустно в глуши без пернатых,
жаль красавцев тайги боровой,
унесли столько строчек крылатых...

* * *

Снег искрится белый-белый.
вот уже апрель
и стучится в окна смело
звонкая капель.
И в избушке сладко спится
посреди тайги,
рядом бегают лисица,
плавают мальки
в чистой речке, что со склонов
катится звеня.
А по берегу, на солнце,
тают зеленя.
По оттаявшей земле
рябчики снуют,
куропатки и синицы
весело поют.
Глухари токуют рядом,
чертят белый снег.
Счастья большего не надо
на короткий век.

Солнце и мороз

День волшебный и чудесный –
солнце и мороз.

В снежной замяти безбрежной –
вспышки ярких звёзд.

На заснеженных дорожках
искрами горят.

И ольховые серёжки
на ветру звенят.

Ели празднично сверкают.

Радостно до слёз
по тайге бродить, плутая,
в солнце и мороз.

*Анатолию Цветкову -
заядлому рыбаку.*

Над Койтами туманы и дымы,
на Койтах рыбаки таскают рыбу.
И мы с моим приятелем могли бы
ловить подъязков.

Там нас ждут сомы,
щурята и лещи, чтоб их поймали,
Но нам с моим приятелем едва ли
придётся порыбачить.

Пятый день
лежим мы с Анатолием в больнице.
Весёлый дым над Койтами клубится...
И нам сейчас бы с удочкой сидеть,
уху варить и ставить в поймах сети.
Вот только жаль, что все заботы эти
мы вспоминаем, глядя из окна
на Койтовские рыбные озёра,
где жгут костры,

и утренний туман
струится по разбуженным просторам.
Там хорошо и жизнь бурлит ключом,
там весело на утренней рыбалке...
А здесь нас опекают санитарки,
уколы колют, ставят клизмы, банки,
анализы берут.

Таков наш быт.
Сосед на койке рядышком лежит.
Мечтаем о рыбалке. Сон не идёт.
И вдруг: клюёт,
 клюёт,
 клюёт,
 клюёт.

30 августа 2010 г. Эжвинская больница.

* * *

Заскучал по лесу и зиме
я в Москве, где всё кругом не мило.
Суতোлка, давка... Человек,
выглядит печально и уныло.

Да и как прожить тут в суете,
среди смрада, шума городского.
Лишь тоска по родине сильней,
только б побыстрее в тайгу мне снова.

Побродить по тихим берегам
Емвальки, пожить в лесной избушке.
Погулять по бору, по снегам,
подложить зерна зверью в кормушки.

Ощутить себя в глуши лесной
сильным и умелым человеком.
Здесь же я слоняюсь сам не свой,
словно муравей, ползу за веком.

На Чёрном озере

Кувшинки белые цветут,
и слышен крик гусей.
На Чёрном озере в тиши
ловлю я карасей.

Смотрю на уток перелёт,
на стрекозы полёт,
как важно селезень плывёт
среди спокойных вод.

Встревожит душу чайки крик,
и вздрогнет тихий лес.
И, кажется, что в этот миг
Господь сошёл с небес.

Осенняя рыбалка

"Вот и лето прошло,
будто и не бывало..."
Чуть пригрело тепло,
снова осень настала.

Снова дождь моросит –
беспросветный и грешный.
И о солнце грустит
мокрый лес поредевший.

Лист осенний кружит
словно путник усталый.
И по речке бежит
катерок запоздалый.

Кто-то в домик спешит
над замёрзшей излучкой.
Чтоб в тепле и тиши
отогреть свои руки.

* * *

Иду по лесу. Снег идёт,
мне белый свет, не бел.
Комар большой, как вертолёт
над снегом пролетел.

Откуда взялся ты, мой друг,
в такой большой мороз?
Зима уже, снега вокруг
иль это не всерьёз?

И этот снег, и этот лес,
и снежный Сыктывкар.
Ворона каркает с небес:
"Кошмар, какой кошмар!"

Чего ты милая, кричишь,
какой тебе кошмар?
Ну, снег идёт, ну, ты сидишь,
ну, пролетел комар.

Одинокая осень

Скучно, грустно, одиноко,
время тянется едва.
Истекают жизни соки,
пожелтела вся трава.

Одинокие берёзы,
сбросив праздничный наряд.
Льют с ветвей дождинки-слёзы,
все продрогшие стоят.

Я бреду в лесу, влюблённый
в Божий мир и всех людей.
С ветки каркает ворона:
"Ну, куда ж ты, дуралей?"

* * *

За рекою туман,
в млечной дымке долины
небольших ручейков
и цепочки озёр.
Друг мой, старый Полкан,
предобрейшая псина,
услужить мне готов,
тащит всяческий сор.

Разведу я костёр,
сядем вместе с Полканом
и начнём вспоминать
своих старых друзей.
Потечёт разговор
и душевный, и странный.
пусть его не понять
никому из людей.

И на наш огонёк
соберутся из леса
и сороки, и зайцы,
и лисы придут.
И не будут скрывать
своего интереса,
потому что всегда
здесь их любят и ждут.

* * *

На речке редкое блаженство и покой:
дым от костра взмывает свечкой в небо.
И пахнет издали наваристой ухой,
лучком с картошечкой
и свежим-свежим хлебом.

В зеркальной глади проплывают облака,
купаясь в золоте берёз и сини сосен.
И голос слышится в тиши издалика,
как будто это разговаривает осень.

Синички весело на веточках поют,
и рыба радостно на солнышке играет.
Мне берег речки стал как сказочный приют,
и счастья большего душа моя не знает.

* * *

Сбежать в тайгу на много-много дней,
бродить по речкам, тропкам и распадкам,
и, позабыв про всех своих друзей,
вдыхать таёжный воздух сладкий-сладкий.

И наслаждаться жизнью каждый миг,
смотря, как к солнцу тянутся побеги,
как весело звенит в тиши родник,
пробившись на поверхность из-под снега.

И раствориться в этой тишине,
забыв на время о насущном хлебе:
купаться в реках и сгорать в огне,
чтоб стать рекой, огнём и синим небом.

Березка

Листовою лес не шелестит,
затихли клены,
укутал сладко птичий свист
страну зелёную.

Нектарным запахом полна
травы высокая,
стоит березонька одна
зелёноокая.

Стоит такая красота,
что мне не верится,
коса до пят и белый стан,
как красна девица!

* * *

Сонное царство, застывшие ели –
снежный, звенящий покой.
Галки от счастья совсем обалдели:
дремлют над тихой рекой.

Заяц застыл, только уши трепещут,
да красным глазом косит.
Солнце на ветках гирляндами блещет,
искрами звёзд моросит.

Только ворона летает над лесом:
"Карк кар-р-рашо! Кр-р-расота!"
Заяц подпрыгнул с нагретого места,
скрылся в ближайших кустах.

* * *

На Койтовских озерах – благодать,
снег кружится и на руках не тает.
И рыбаков, пока что, не видать,
лишь гаечки, да пунечки летают.

На Койтовских озерах ни души,
ни ветерка, ни солнца нету нынче.
Голодный волк в сосновый бор спешит
в надежде отыскать себе добычу.

На Койтовских озерах забурюсь
я на леща, на окуня и щуку.
Клюют одни ерши.
Ну, что же пусть,
скажу: "Поймал ерша большого, с руку."

* * *

Привет, мой бор и Белая река!
Я к вам пришел за много километров.
И трогаю руками облака,
И говорю с весёлым, синим ветром.

Привет, мой бор, и озеро, привет!
Заря зажгла стволы высоких сосен.
Я к вам пришел встречать с утра рассвет
И провожать закат в густую просинь.

Шумит от ветра в кронах Белый бор,
Трещит валежник в костерке весёлом,
Стоит избушка среди высоких гор,
И я в ней стал счастливым новосёлом.

* * *

Я брожу по лесу пьяный,
короба мои пусты.
Опьяняет запах пряный
оппадающей листвы.

Все засыпаны дорожки
золотистой листвой.
Ворох листьев на сторожке,
дух медовый и густой.

Отзвенело бабье лето,
кружат листья хоровод.
На Покров, по всем приметам,
снег на землю упадет.

Желанный гость

Льётся музыка дождя
с бронзовых небес.
Смолкла песня соловья,
мокнет тихий лес.

Я и сам, как воробей,
вымок под сосной.
Без сапог и без плаща,
в курточке простой.

Ничего, что дождь идёт,
что промок насквозь.
Всё равно в глуши лесной
я желанный гость.

* * *

День смеркается, смеркается
и вот:
тихо, тихо летний вечер настаёт.
За лесами закатился солнца круг,
тьма сгущается, сгущается вокруг.

Выхожу я в темноте в тенистый сад,
собирать в саду поспевший виноград.
Грозди спелые срываю на вису
и домой корзину целую несу.

Выйдет знатное игристое вино,
будет радовать меня весь год оно.
В царстве света, где покой и благодать,
буду весело с друзьями пировать.

* * *

Хорошо сидеть в ночном у реки:
тихо в заводи играют мальки,
плачет иволга, зарянка поёт,
и рыбёшка то и дело клюет.

То сорожку подсеку, то ерша,
из ерша уха с лучком хороша,
да ещё испить душистый чаёк,
да ещё распить вдвоём бутылёк.

Я всё чаще на рыбалке один,
сам начальник, сам себе господин
без вина,
но я о том не тужу:
наслаждаюсь и стихи вот пишу.

Тихая охота

Я и сам такой охоте рад:
глухари и рябчики летают.
Тихая охота на маслят
мне всё больше радость доставляет.

Боровик, лисички, белый груздь –
подрезаю и кладу в лукошко.
Я в лесу и волка не боюсь,
и медведя встретить на дорожке.

Белый гриб стоит как государь,
на пенёк уселися опята.
Нет, ребята, пусть живёт глухарь,
пусть резвятся на лугу зайчата!

* * *

Обронила жар-птица перо,
предо мной на тропинку упало.
Повезло дураку, повезло:
ни проблем, ни забот вдруг не стало.

Загадаю – и сразу везёт,
лишь подумал – и тут же свершилось.
И душа обретает полёт,
уповая на Божию милость.

Но всё чаще в ночной тишине,
горько плачу и тяжело страдаю.
Отчего же так тягостно мне?
Я и сам о том толком не знаю.

* * *

Уехать на море...
Зачем в самом деле
сидеть в Сыктывкаре?!
Купался бы с милой,
сидел бы с ней вместе
в каком-нибудь баре.

Там солнце и горы,
лазурное море,
песочек горячий.
А здесь всё морозы,
бушуют метели
и холод собачий.

Да что там на юге:
ну море, ну солнце,
ну Гагры, ну Сочи...
А здесь всё морозы,
бушуют метели
и холодно очень...

А мне без морозов,
без вьюг и метелей
и моря не надо.
Мне скучно на юге
без северной стужи
и без снегопада.

Чучело

Сколько добрых, лучезарных
и прекрасных лиц.
Чучело на огороде
отгоняет птиц.
Всё в рваньё,
и вместо шляпы старое ведро.
Смотрит свёклами-глазами
как снуёт народ.

В блузках, брючках от Армани,
в туфлях дорогих.
Тёти, дяди, дети, няни
вместе собрались.
Отмечают день рождения,
песенки поют.
На столе вино, варенье,
праздничный уют.

Хорошо гулять на даче:
речка рядом, пруд.
Все играют в салки, в мячик,
чай и водку пьют.
Жгут костёр и после чая
водят хоровод.
Только чучело скучает,
дачу стережёт.

Подснежники

Отшумели снежные метели,
после долгих зимних холодов
зазвенели первые капли,
отгоняя зимний мрак оков.

Зайчики запрыгали в окошко,
заиграли во дворе, по скверам.
Потянулась мартовская кошка,
и пошла гулять по "кавалерам".

На лесных полянах снег растаял,
и на белый свет из мерзлоты,
среди снега, безо всяких правил
появились первые цветы.

В них так много радости и цвета –
первоцвет для нас всего милей:
так мои стихи пробьются к свету,
веселя и радуя людей.

На Чёрном море

Погода каждый день грешит:
как будто солнцу нет предела,
но туча с громом набежит
и ливнем хлынет оголтелым.
Ещё и часа не пройдет,
а солнце вновь печёт, печёт.
Здесь краски яркие, сочны, резки,
как будто положили фрески
на холст – фантазии порыв,
не усмирив, не укротив.
Здесь всюду пальмы и лианы,
павлины, змеи, обезьяны,
арбузы, дыни, мандарины
и виноград, и апельсины.
Грузинский чай растёт на дачах,
вино аджарское, и чача,
и эвкалипт, огромный русский,
стоит на входе в парк батумский.
Контрастами природа полна:
во гневе, пенясь катят волны,
и море Чёрным великаном,
на берег рушит вал за валом.
Но успокоится, остынет,
волна от берега отхлынет,
и вот уж, гладью вод великой,
оно сверкает в ярких бликах...
Мир, тишина, день чистый, ясный,
и море в этот миг прекрасно.

Аджария, субтропики, 1985

* * *

По опушкам и лугам
вьётся сизый дым,
занавесило кругом
дымом голубым.

Пикники то там, то тут –
жарят шашлыки,
песни весело поют,
с дуру, мужики.

В пойме чибисы снуют,
бродят кулики
и покоя не дают
утки у реки.

Стаи уток – сотни штук.
Было бы ружьё.
Да ведь утка тоже друг –
жалко бить её.

* * *

Усталость, усталость,
заботы, заботы.
А сколько осталось
сердечной работы?

Ещё и не старость,
и прожито мало.
А сердце болеет –
устало, устало.

Все меньше родимых –
семейного счастья.
Все больше любимых –
живого участия.

* * *

Почему горят в ночи
звёзды в вышине?
Отчего звенят ключи
в звёздной тишине?

От того ль, что так люблю
родину мою?
От того ли, что гублю
молодость свою?

Сколько лет в лесной глуши
родникам звенеть?
Сколько лет в родной тиши
буду песни петь?

И в серебряном бору
слушать птичий звон?
И кукушкин перезвон
с четырёх сторон?

* * *

Топлю стихами печку,
а печка не горит.
Лишь ёкает сердечко
да голова болит.

А пламенная муза
чуть тлеет без огня.
Нелёгкая обуза
на сердце у меня.

Достал стихи из печки,
отнёс их на бугор.
И на холме у речки
развёл большой костер.

Пылает моя муза,
ну, значит, хороша.
Летят стихи на небо,
поёт моя душа.

*"...А я указанный предел,
резонный видно,
давным-давно преодолел,
живу бесстыдно".*

Игорь Терновский

Когда указанный предел
тобою прожит,
берись за сотню новых дел,
что ж дни итожить.

Знать дал Господь тебе пожить
еще немного,
знать не готов еще служить
на небе Богу.

Знать лучших ты не написал
стихотворений,
знать не взошел на пьедестал
твой светлый гений.

Знать нужен здесь среди людей:
родным, знакомым,
своей жене, своим друзьям,
родному дому.

Чтоб грелись около тебя
как возле печки,
а за продлённые года
ставь Богу свечки.

* * *

Уеду, уеду –
зовёт меня в гости родня.
Возьму свою сумку
и буду скитаться по свету.

Уеду, уеду –
не ждите к обеду меня,
И завтра не ждите, –
и завтра домой не приеду.

Пора отправляться,
пора отправляться в полёт.
Объявленный рейс
через десять минут улетает.

Отходит, отходит,
отходит и мой самолёт,
И птицы собрались,
собрались в последние стаи.

Уеду, уеду,
Уеду, вас в сердце храня,
надеясь на Бога,
надеясь на быструю встречу.

Прощайте, прощайте!
Простите, простите меня.
Пишите мне письма,
и я вам отвечу, отвечу.

* * *

Уйду из жизни в никуда.
Да и куда от жизни деться?!
Когда болит о близких сердце,
и нервы, словно провода,
напряжены под сильным током...
Деревья истекают соком,
набухли почки на ветвях.
Вот-вот пробьются в них побеги
и лепестки, в звенящей неге,
пробьются к свету...

Боже мой!
Как хорошо гулять по лесу,
дышать озоном и весной...
Всё радуется, всё интересно...

На куче рыжих муравьев,
от снега солнцем оголённой,
бушует жизнь: снуют, спешат,
свой дом огромный подновляют:
миллионы их и каждый знает
куда "бревно" своё нести...
Земля, прохладная в горсти,
слипается от чернозёма...

Иду тропинкою знакомой
в сосновый бор, на свой ручей...
На поле шумный хор грачей –
прилёт свой празднуют, пируют...

Светло и сладко на душе.
На речке, в тихом шалаше
костёр весёлый разведу я,
прилягу на еловый лапник
и буду греться, вспоминать
всю жизнь свою под треск огня...

И дятел, около меня,
опять устроит пир из шишек,
и будут бегать стаи мышек,
и белка прилетит с ветвей
из рук моих погрызть орешки...
Люблю я отдыхать в лесу,
люблю зверей и птичьи песни,
без них и жить не интересно,
а с ними и земля как рай,
хоть никогда не умирай.

Ухте

Мой город столько знал побед,
и столько бед, и столько бед –
моих побед, моей любви
и моей веры.

Мой город – нет его милей,
одет черёмухой аллей
и в белый пух от тополей,
в дома и скверы.

Мне жизнь мила, не помню зло,
хотя признаюсь – не везло,
и мою лодку вдаль несло
на перекаты.

Теченья бурная река,
за перекатом перекал,
и лучше не было наград
чем брать преграды.

Я здесь любил и ревновал,
удачу я за руку брал,
и мне покоя не давал
весенний ветер.

Он уносил меня в "поля",
крутилась подо мной земля,
где много мест увидел я
на белом свете...

Мой город столько знал побед,
и столько бед, и столько бед –
моих побед, моей любви
и моей веры.

Мой город – нет его милей,
одет черёмухой аллей
и в белый пух от тополей,
в дома и скверы.

* * *

Много ль для счастья и радости надо:
снова упали на Русь снегопады,
словно с небес стаи птиц прилетели,
снова бушуют метели, метели.

Мир обновился – смеётся, ликует,
в чаше кукушка кукует, кукует.
Что ж ты родная, ведь все улетели,
жить мне осталось не годы – недели.

Я уж давно рад с Христом увидаться,
к длани Господней десницей прижаться.
Да и душа еле держится в теле,
рвётся в метели, в метели, в метели.

* * *

Золотая осень,
листья облетают.
Ветер их разносит
словно птичьи стаи.

Жёлтый лист в ладони,
кровь по жилам стынет.
Облака, как кони,
мчатся в небе синем.

Я брожу печальный
среди берёз и сосен.
Ветками качает,
машет вслед мне осень.

* * *

Такая красота, что нет её сильней,
такую красоту не выразить стихами.
Горит на солнце снег миллионами огней,
и иней на ветвях искрится жемчугами.

Такая благодать, что сойка замерла,
услышав тишину на неземном пределе.
Блестит Божий мир, земля белым-бела,
и падающий снег кружится еле-еле.

*«...Обожгут ледяные глубины.
Отчего же так радостно мне:
кисло-сладкие льдинки рябины
теребить и ласкать в тишине».*

Дмитрий Фролов

Неожиданно всё происходит:
после долгих докучливых гроз
долгожданная радость нисходит;
вдруг ударил трескучий мороз.

И гуляя по льду, где глубины,
по ручьям, где замёрзла вода,
я, срывая ртом льдинки рябины,
вспоминаю о Диме всегда.

* * *

Я люблю на лыжах бег,
что ни говори.
Заискрился первый снег
в отблесках зари.
С каждой ёлкой и сосной
встрече снова рад.
Я вдыхаю дух лесной,
снежный аромат.
Сорок весен, сорок зим
я преодолел.
Сорок лет и, говорят,
это не предел.
Да и где они года –
мир опять воскрес!
Поражает новизной
старый снежный лес.

* * *

Кружится листопад,
и золотая осень
зовёт меня в места,
где дух стоит лесной.
И я безумно рад
рыжеволосой гостье,
брожу в тиши берёз,
и пёс бежит за мной.

Он так же, как и я,
любитель до природы,
ох, любит, лиходей,
зайчишек погонять.
То мышь мне принесёт,
то прыгнет к уткам в воду:
охотничий инстинкт,
ну, как тут не понять.

А мне зверушек жаль –
безвинные созданья,
им тоже надо жить
и деток поднимать.
Но мой беспутый пёс
лишён такого знанья,
ему моей любви
к зверушкам не понять.

* * *

По лесным путям-дорожкам
ходит рядом грусть,
а по тропкам под ногами
груздь и снова груздь.

Подрезаю грузди в кузов,
жёлтые, как мёд,
жду когда же наконец-то
грусть-печаль пройдёт.

Вот уже наполовину
в кузове груздей,
и уже наполовину
стал весёлым день.

А когда набрал я кузов
и пошёл домой,
сразу понял, что я счастлив,
как никто другой.

* * *

На дальней зимовке,
где всё мне знакомо,
где много ушастых зайчат,
забуду заботы,
оставлю их дома
и снова
уйду в снегопад.

По белой пороше,
где путник петляет
меж ёлок и стылых осин,
где дичь боровая и сойки летают,
бродить буду долго один.
Не то, чтоб обидеть

Тамаре

На речке Серт-Полой
звнящий дух сосновый,
на речке Серт-Полой
хмельная благодать.
И раннею весной,
и в дни зимы суровой
на речку в светлый бор
иду я отдыхать.

Где тонкая курья
петляет по излукам,
и каждый островок
следы людей хранит.
Вон старый дед сидит,
рыбачит с юным внуком,
а там на берегу
ещё костер горит.

И веет от реки
манящая прохлада,
и дышится в лесу
свободно и легко,
и большего, поверь,
мне счастья и не надо.
Так сладко на душе –
светло и высоко!

* * *

Закатилось солнце за лесок,
светлой стаей
облепили звёзды небосвод,
замерцали.

Поднялась луна из-за плетня
и белеет,
среди звёзд, задумавшись одна,
леденеет.

Холодно и грустно на земле,
одинокко,
звёздочки мерцают в тишине
так высоко.

Так блестит красавица луна
среди ночи,
что и мне сегодня не до сна,
грустно очень.

* * *

Уйти от погони,
уйти от погони
и чтоб не разбиться.
Несут меня кони,
несут меня кони –
крылатые птицы.

Пустились вдогонку,
пустились вдогонку,
цепляясь за холки.
Как бес на иконку,
как бес на иконку
оскалились волки.

Вся жизнь на пределе,
вся жизнь на пределе,
минуя преграды.
Они не горели,
они не горели
да им и не надо.

А мне до вершины,
а мне до вершины,
до Горнего рая.
На скалах крушина,
на скалах крушина
горит угасая.

* * *

Закружила осень в небе карусели,
закружилась кругом голова моя.
Журавли, курлыча, к югу полетели,
забирают лето в южные края.

И никто не скажет, и никто не спросит:
отчего так сладко плачется душе?
Отчего по небу ветер листья носит
и тревожит сердце в тихом шалаше?

Я на все вопросы получил ответы
и больших подарков от судьбы не жду.
На закате осень, если песня спета,
то и в зимний холод я с теплом приду.

* * *

Всё чаще я один,
всё больше нелюдим,
всё дальше отхожу
от близких и знакомых.

И счастья среди людей
ни с кем не нахожу,
и странная тоска
влечёт меня из дома.

Я вечный пилигрим,
отшельник. Видит Бог,
что всех людей люблю
и дорожу друзьями.

Но даль иных путей
и пыль глухих дорог
зовёт меня в края,
не познанные нами.

И в странствиях своих
среди таёжных рек,
на склонах снежных гор,
где только синий ветер,

вдруг встретится один
случайный человек...
И он, в тот самый миг,
мне всех родней на свете.

* * *

Опять я в морозную стынь через речку
спешу в Белый бор до избушки своей.
Дойду до озёр, растоплю сходу печку,
и станет тогда сразу жить веселей.

Мороз всё крепчает, щекочет за уши,
хватает за щёки и щиплет за нос.
В далёкой глуши я в тиши буду слушать,
как в мёрзлых сушинах стреляет мороз.

Как птицы вокруг то и дело щебечут,
и мыши погреться сквозь стены ползут.
В безлюдной тайге ожидать буду встречи
с лесными друзьями, что рядом живут.

Быть может, пожалует в гости сохатый
иль серый дружок прибежит навестить,
иль заяц прискачет – я всем буду рад им,
найду чем соседей своих угостить.

Коромысло

Я шагаю бодро,
скачут мои мысли,
пляшут в дужках вёдра,
гнётся коромысло.

Позвала вдовица,
только ей не внемлю,
плещется водица
через край на землю.

Что мне до вдовицы,
хоть и ходит павой,
если у светлицы
ждёт меня любавя.

* * *

Загорел восток зарёю,
счастья выше нет,
чем над Вычегдой-рекою
встретить мне рассвет.

Вместе с птицами проснуться
рано поутру,
первым солнцу улыбнуться:
"Здравствуй, милый друг!"

Искупаться в тёплой речке
и поставить чай.
Крикнуть громко: "Мир сердечный,
солнышко встречай!"

Весеннее настроение

Сбежать в тайгу на много-много дней,
бродить по речкам, тропкам и распадкам,
и, позабыв про всех своих друзей,
вдыхать таёжный воздух – сладкий, сладкий.

И наслаждаться жизнью каждый миг,
глядя как к солнцу тянутся побеги,
как весело шумит в тиши родник,
пробившись на поверхность из-под снега.

Чтоб раствориться в этой тишине:
забыв на время о насущном хлебе,
купаться в реках и сгорать в огне,
и стать рекой, и деревом, и небом.

* * *

Первый снег. По первопутку
пробежали волки,
зайцы, лисы и мишутка.
Жалко нет двустволки.

Разрезвились что-то звери
у моей избушки,
все мои припасы съели,
даже две горбушки.

Попугать бы их немножко,
выстрелить два раза,
чтоб боялись лезть в сторожку,
есть мои припасы.

* * *

День-то какой замечательно чистый,
словно отмыт до
бела.
Кружатся, кружатся жёлтые листья,
огненно тлеет зола.

Боже, как сладко – пора листопада,
сердце немеет до слёз.
Тихо пройдуь я тропинками сада
к дальней опушке берёз.

Вот они встали – стройны и раздеты,
сняли свой жёлтый наряд.
Кончилось, кончилось жаркое лето,
яхонтом зори горят.

* * *

Снег пушистою метелью
выбелил поля.
Облетают пухом ели,
словно тополя.

Снег искрится между сосен,
в кружеве ветвей,
снег кружится – словно в осень –
листья с тополей.

Белый-белый, снежный-снежный
лес стоит, звеня,
чистый-чистый, нежный-нежный
мир обнял меня.

* * *

Поспевает на опушке земляника,
ароматами волшебными пьяня,
что за ягода, мой ангел, погляди-ка:
завораживает трепетно меня.

Земляника, земляника, земляника –
детства радостный и сладкий аромат,
земляника, земляника, земляника –
словно лампочки на веточках горят.

Растревожили мне сердце птичьи крики,
и берёзы закружили в хоровод,
я горстями ем с ладони землянику,
улетаю в край без горя и забот.

Земляника, земляника, земляника –
детства радостный и сладкий аромат,
земляника, земляника, земляника –
словно лампочки на веточках горят.

* * *

Абсолютное безветрие,
солнце поднялось в зенит,
и на каждом километре
столб на просеке стоит.

Лес затих, лишь только птицы
восхитительно поют,
желтогрудые синицы
впереди меня снуют.

Три стрелы от самолетов
расчертили небеса,
а на Язельском болоте
в кочках прячется лиса.

Утки крякают в озёрах,
в поймах чибисы снуют,
и дрова горят как порох,
создают душе уют.

Вот сейчас допью я чаю,
чай с малиной – благодать,
и опять по иван-чаю
вновь пойду грибы искать.

* * *

Жёлтые цыплята одуванчиков
высыпали на прибрежный луг,
там играют девочки и мальчики,
бегают вокруг ушастый друг.

И смеются девочки и мальчики,
смехом заражая всё вокруг,
и горят на солнце одуванчики,
и смеётся с ними солнца круг.

* * *

Летняя волшебная пора
для грибов, рыбалки и скитаний.
Потому: "Да здравствует жара,
и маршрут на речку самый дальний!"

Хорошо в берёзовой тиши
собирать боровиков и красных.
И не встретить ни одной души,
и не слышать сплетен самых разных.

Вот опять навстречу боровик
встал как гномик на пузатой ножке.
Рядышком лягушка – прыг да прыг,
как царевна прыгнула в лукошко.

Расколдую дивную красу
и потом как в сказке обвенчаюсь.
Целый час с собой её несусь:
всё сидит, знать обо мне мечтает.

* * *

Опять наступает пора листопада,
и хочется плакать, смеяться и петь.
И большего счастья мне в жизни не надо:
как только на листья глядеть и глядеть.

Как падают с неба и долго кружатся,
ковром устилая дорожку мою,
как тихо шуршат и на землю ложатся,
и кажется мне, что я словно в раю...

Счастлирое время – пора листопада,
пора золотая грибов и стихов.
И большего счастья мне в жизни не надо:
так сладко душе, что и нет больше слов.

* * *

На затерянной в лесной тиши дороге
листья весело кружатся прямо в ноги,
устилают мне ковровую дорожку,
чтоб грибов набрал я целое лукошко.

Глядь, навстречу боровик под красной шляпой
и ещё боровички, как детки с папой,
а за ними разноцветные волнушки
и у каждой лист опавший на макушке.

Ну, а дальше ярко-рыжие маслята,
за маслятами весёлые опята
на пеньках стоят гурьбою и на кочках:
тут и папки, тут и мамки, и сыночки.

Собираю я грибы, брожу по лесу,
то на ёлочку наткнусь, как на принцессу,
то на речке залюбуюсь на берёзу:
как в воде она купает ноги босы.

* * *

Поредел притихший сад,
клён поник у дома,
кружит листья листопад,
вымокла солома.

Паутинок дивный ряд
в воздухе летает,
прелых листьев аромат
душу согревает.

Дух медовый и хмельной,
куры что-то квохчут,
и не хочется домой
вплоть до самой ночи.

* * *

В сентябре солнце нас не печёт,
только бережно тихо ласкает.
Пролетит в небесах самолёт,
пух осиновый всюду летает.

Птицы меньше щебечут, поют,
улетают в далёкие страны.
Мыши в травах меж норок снуют,
пожелтели леса и поляны.

Отшумела в деревне страда,
отзвенело весёлое лето.
В голом поле пасутся стада,
да стрекочут кузнечики где-то.

* * *

Застелило все дорожки
до моей избушки,
приуныли на деревьях
бедные пичужки.

Намело сугробы за ночь,
холодно и зябко,
не поёт весёлых песен
даже красный зяблик.

На ветру звенит, качаясь,
тонкая рябина,
пропадаю без тебя я,
бабушка Арина.

Как тебе одной в деревне
можетя – живётся?
Без тебя, мой друг сердечный
песен не поётся.

* * *

Хорошо в грибную пору
у костра в ночи
слушать птичьи разговоры,
звонкие ключи.

Костерок трещит и пламя
лижет темноту,
хорошо грести руками
ночью на плоту.

Звёзд блестящие алмазы
в озере горят,
зачерпну в ладошку сразу
звёзды и закат.

Изопью зари вечерней,
и прибавит сил
чуть прохладный и целебный
звёздный эликсир.

От луны дорожка к лесу
по воде бежит,
и сама луна принцессой
на меня глядит.

Я с луной, как с невестой,
рядом постою,
хорошо стоять нам вместе,
будто бы в раю.

* * *

Подмывает берега
Вычегда,
тихо плещется волной
Серт-Полой.
Я гляжу на Белый бор
Свысока:
как раскинулся
над вешней водой.

Разлилась она повсюду вдали:
за лесами берегов не видать.
Словно по морю плывут корабли,
и такая на реке благодать.

Чайки стонут, разметав два крыла,
над водою вешней ищут мальков.
Пронеслась моторка словно стрела:
рыбаки несут свой первый улов.

* * *

Роняет лес багряный свой наряд.
На юг далёкий птицы улетают.
Деревья оголённые стоят.
Последние листочки облетают.

Дождь моросит – унылая пора...
И слякотно, и холодно, и грустно.
И не резвится больше детвора.
Загнулся от мороза лист капустный.

Брожу вдоль речки рано поутру,
Вновь обхожу прибрежные низины.
Качаясь на пронзительном ветру,
Пронзительно свистят кусты рябины.

* * *

На Онеге штиль и жарко,
солнце поднялось в зенит.
Парус скис, и наша яхта
под моторами бежит.

На норд-ост идём по курсу,
ждут нас светлые Кижы.
Капитан, покинув камбуз,
под грот-мачтою лежит.

В синей дымке мирно тают
берега. Кругом вода.
Мимо важно проплывают
пароходы и суда.

Белоснежные как принцы,
показав огромный борт,
помаячив перед нами,
вдаль идут за горизонт.

Долго музыка играет,
в небесах орёл кружит.
Чайка рядышком летает,
и мотор наш тарахтит.

Неразделённая любовь

Четыре крыла, два зелёных глаза,
одно коромысло и шестеро ножек.
В тебя, моя радость, влюбился я сразу
и нет никого мне милей и дороже.

Часами гляжу как ты глазками водишь,
как дивно летаешь с цветка на цветочек.
Меня ты с ума красотой своей сводишь,
усевшись на тонкий, как нить, стебелёчек.

Ты дивная сказка, прекрасная фея
так ловко над водной скользишь бирюзою.
Часами люблюсь тобою, немея,
моей ненаглядной речной стрекозою.

Раздел 4

ВАСИЛЬКИ В ГОРАХ

В горах Урала

У самой Колокольни,
как будто бы в раю,
пасутся мирно кони
у бездны на краю.

И горные олени, –
горящие бока,
с достоинством надменным
несут свои рога.

По крутизне отвесной
на гору поднимусь,
из выси поднебесной
окину взором Русь.

От края и до края,
куда не кинешь взгляд,
на солнышке, играя,
вершины гор стоят.

Как будто в шлѐмах синих
вершин святая рать
на страже за Россию
милыоны лет стоят!

Васильки в горах

Средь вершин запорошенных,
среди снежной тоски,
как весёлое крошево –
васильки, васильки.

Здесь и тропы не хожены,
и пути не легки:
кем вы в горы заброшены
васильки, васильки?

То ли ветром носимые,
опустились с небес,
то ли лебеди сильные
принесли через лес.

* * *

На избушке на Урале,
где река Косью течёт,
отхожу душой усталой
от свалившихся забот.

Исцеляюсь от болезней –
прихватили на пути,
и теперь лечу над бездной –
ни проехать, ни пройти.

А вокруг тайга и горы,
солнце яркое до слёз,
белоснежные просторы,
и Господь – Иисус Христос.

* * *

Шумит ручей внизу
в истоках Балбан-ю,
на озере волна
играет белой пеной.
Я снова прохожу
тропиночку свою –
наверх по леднику
до Бога непременно.

До Царского креста,
что в горной вышине
как солнечный маяк
спасает наши души.
А мир внизу опять
горит в святом огне,
и вместе со Христом
идём по Горней суше.

И радостно припасть
к святому роднику,
испить воды живой
и обновиться снова.
И радостный восторг,
и сладостный покой
вновь испытать в тиши
Божественного Слова.

На Манараге

На Манараге солнца нет
и неба не видать,
закрыты горы в облаках,
от ветра зубы стыннут.
Но сверху льётся Божий свет
и длится благодать,
и мы стоим, средь облаков,
на Царственной вершине.

И верится, что счастье есть
и радостно душе,
что сердце рвётся из груди
как алый флаг на стяге.
И все невзгоды позади,
и мы на рубеже
меж грозным небом и землёй –
на пике Манараги.

* * *

Укутаны снегом мохнатые ели,
раскинули в стороны снежные лапы.
А мы у костра тёплым кругом сидели,
и снег нам за шиворот таял и капал.

Мы пели о дружбе, о горных походах,
опять про Урал и Кавказ вспоминали.
И словно на белых больших пароходах
в далёкие страны на юг уплывали.

И пили за горы, потом за удачу,
за тех, кто с походов домой не вернулся.
И пели им песни – туристы не плачут
лишь капли по лицам горячие льются.

Помнишь, в баньке как геологической
парились с тобою от души.

Пар и тот как будто специфический,
венички и те так хороши!

Как потом, напарившись, весёлые
вниз бросались в речку Чикшино.
Белым днём купались в речке голые,
показав бесплатное кино.

Юность заповеданными тропами
пронеслась, оставив боль утрат.
Сколько мы дорог с тобой протопали,
сколько наугад прошли преград?!

Помнишь, как бродили по Уралу,
пили из ручья хмельную воду?
Как мы покоряли перевалы,
проходили русла рек по броду?

Как мы поднимались на вершины
до небес по поднебесным кручам?
Как в походы шли одни мужчины,
взяв портрет девчат на всякий случай?

Сколько новых песен было спето
у костра с друзьями на привалах!
Сколько новых мест, зимой и летом,
мы в походах горных повидали!

На Кавказ ходили и в Хибины,
на Тянь-Шане ледники топтали.
По Сибири плавали на льдинах,
и в Крыму всей группой отдыхали.

Проходили на плотах и лодках
по таёжным и по горным рекам.
Чтоб согреться пили спирт и водку,
оставаясь всё же человеком.

Да, поколесили мы по свету:
пройдено и выпито немало.
И скажи мне, друг, каким же ветром
нас по разным весям разбросало?

* * *

Трещат сороки за окном,
зовут меня в поход.
И я, забыв про тёплый дом,
иду по речкам вброд:

на Красный камень,
Пальник-Шор,
за Волчий перевал.
Со мной в пути пила, топор.
Привет, седой Урал!

Как я скучаю по тебе,
жду встречи каждый год:
по этим скалам, по воде,
что между гор течёт,

по восхождениям крутым
в сверкающую высь,
за облака, что словно дым,
в долинах разлились.

На Манараге я готов
от счастья закричать.
И, возвратившись в тёплый кров,
всю жизнь с нуля начать.

Ночёвка в горах

Ветер, холод, непогода –
осень настаёт.
От заката до восхода
рыба не клюёт.

И кругов почти не видно
на большой воде.
Чуть досадно и обидно
в это утро мне.

Солнце яркими лучами
брызжет из-за туч.
Весь Урал лежит под нами
грозен и могуч.

На вершинах снег искрится,
светится хребет.
Спят друзья, а мне не спится,
жду в тиши рассвет.

А вокруг Восьмёрки* пики
выстроились в ряд.
На озёрной глади блики
звёздами горят.

**Восьмёрка - горное озеро*

* * *

Хорошо в палатке ночью длинной
вспоминать с друзьями о былом:
как мы брали горные вершины,
проходили скалы напролом.

С каждым из туристов, непременно,
случай был, вселявший жуткий страх,
и весёлый смех по всей Вселенной
раздавался средь ночи в горах.

Байки, небылицы, анекдоты
согревали наш походный дом.
А наутро сложная работа –
по отвесным скалам напролом.

* * *

И снова сомненья, и снова тревоги,
кружится весны карусель,
и словно спасенье от боли – дороги
в звенящую манят капель.

И вновь ухожу я, весёлый и лёгкий,
в манящую синюю даль,
и пусть воробьи, и сороки-плутовки
развеют на сердце печаль.

И будет соловушка в землях ветлужских
мне петь, Божий дар не тая,
и снова я чувствую сердцем, что русский,
что это Отчизна моя.

* * *

На Урале царствует зима:
то пурга метёт, то снегопады...
Позабыты тёплые дома,
горы нам как лучшая награда.

И лыжня, петляя по реке,
между скал ведёт на Колокольню.
Пики гор маячат вдалеке,
ледники спускаются по склону.

Ручеёк с высоких гор бежит...
Царство льда, безмолвия и снега.
Посреди заснеженных вершин
ни зверья нигде, ни человека.

* * *

На Манарагу, на Манарагу
уходим снова на Обе-из,
За Красный Камень через овраги,
подъём на горы и спуски вниз.

Опять с друзьями в тепле палатки
мы пьём из кружки за наш успех.
Вокруг медведи и куропатки,
и льются песни, и слышен смех.

И будет Визбор тревожить душу,
и будет Кукин встревать в наш спор.
И будем долго мы песни слушать
под треск печурки и звуки гор.

* * *

Скажи, мой друг, куда нас занесло?
На Малый Чендер. Он совсем не малый.
Уж куропатки встали на крыло,
и перекрыло снегом перевалы.

А до Косью ещё ползти, ползти
не день, не два, а может две недели.
Мой верный друг, прости меня, прости,
что все продукты в пропасть улетели.

Но мы пройдем весь путь
и в снег, и в дождь,
взойдем на плато, там по перевалу.
И будет лёгок путь по Ломесь-Вож
к озёрам, где всегда у нас клевало.

И окуни, как лапти, в два кило,
и щуки под два метра попадутся.
Лишь только б снегом нас не замело
и не закрыло льдом озёр тех блюдца.

Проснись, мой друг, давно уже пора...
Нас ждёт с тобой нелёгкая работа...
Ох, мама, мама, как же ты права,
что все туристы просто идиоты.

На приполярном Урале

Всюду горы, водопады,
чистая вода –
для меня вы как награда,
жил бы здесь всегда,

любовался б красотой
дикою долин:
всё любимое, родное –
даже сход лавин,

И озёра, где в лазури
тают небеса,
здесь такие грозы, бури,
что из глаз слеза –

не от страха, а от счастья –
сам как зимогор,
от незримого участия
в жизни древних гор.

* * *

Зелёный путь реки,
ведущий к Манараге.
Шаги мои легки,
лыжня как на бумаге.

Навстречу перевал
и горные лавины,
закрыв Седой Урал
для нас свои вершины.

Но светится звезда
Полярная, мигает,
и снежная пурга
лыжню нам замедает.

* * *

Под шапкой облаков
укрылась Колокольня,
журчит, открыв рукав,
весёлая река.

Счастливым жарким днём
нас радует сегодня
сияние вершин
и синяя тайга!

Искрится белый снег,
берёзы словно свечки,
лыжня ведёт к горам
по краешку реки.

На тоненьких ногах
шагают человечки
и тащат на себе
большие рюкзаки.

* * *

Труден путь, длинна дорога
вверх за облака.
Мне ещё пройти немного
и подняться ввысь.
Только путь мне преграждает
горная река:
как же сильно в это лето
реки разлились.

Берег левый, берег правый,
синева небес...
и бурлят водовороты,
сбить пытаюсь с ног.

Боже Святой, Боже Правый,
Как нести свой крест?
Перейти на правый берег
помоги мне Бог!

Я не слабый и не струшу,
горная река,
помоги мне перекаты
все преодолеть.
Сохранить бы свою душу –
жив ещё пока –
пусть боится и отходит
от дороги смерть!

* * *

Разбит бивак на берегу
порожистой реки,
по берегам то там, то тут
рыбачат рыбаки.

Зеркальный хариус стрелой
взмывает из воды,
и очарован я игрой
рыб сильных и тугих.

В хрустальной заводи реки
все камушки видать,
таскают рыбу рыбаки –
покой и благодать.

И пики снежные вокруг
пленают красотой,
и счастлив я, что рядом друг
идёт всегда со мной.

Манящие вершины

Меж высоких синих елей
бурная река
с гор течёт, сбивая камни
на своём пути.

А вдали открылись пики,
смотрят свысока,
и все путники стремятся
до вершин дойти.

А они сверкают, манят
дикой красотой,
но подняться в эти выси
очень нелегко.

Пробираюсь в поднебесье
горною рекой
и уже прошёл к вершинам
очень далеко.

И назад не возвратиться:
бурная река
разлилась в долине морем,
что не обогнуть.

Надо мною грозовые
вьются облака
и лавины в поднебесье
преграждают путь.

* * *

Прощайте горы, снежный рай,
высокая любовь!

Прощайте горы, через год
увидимся мы вновь!

Я покидаю горный мир
и ухожу домой,
но эти снежные хребты
беру опять с собой.

Я оставляю душу здесь
среди высоких скал,
среди вершин и облаков –
Урал мне домом стал.

На горном озере, в тиши,
под кровом шалаша,
где речка быстрая бежит,
живёт моя душа.

* * *

Побродил я по горам
и по перевалам,
много покорил вершин
с бездной на краю...
Манят снежные хребты древнего Урала,
где душа моя, в тиши, обрела приют.

Горный запах ледников
мне ночами снится,
завораживает дух красота долин,
где в чистейших ручейках
сёмга нерестится,
где нередко в сладких снах
я брожу один.

Машет, машет лапой мне
с фотки Манарага,
Колокольня может в снах
голову вскружить.
Я по жизни пилигрим –
конченный бродяга.
Мне без гор и без друзей
просто не прожить.

Магниторазведка

Поднимется ветер,
или хрустнет вдруг ветка,
нелёгкое дело – магниторазведка
для сильных и смелых мужчин.
Пока вертолёт лишь на миг затихает,
пока на болоте не слишком качает, –
снять точку без лишних причин.

Где почва потвёрже, повыше, посуше,
там два магнитометра ставлю получше
и жду, чтобы ветер затих.
В Сибири таёжной, где дикие звери,
и в тундре, где кочки, багульник и ветер,
работали мы за двоих.
И в юрте, отрядом собравшись под вечер,
любили на столик поставить мы свечи
и вспомнить любимых, свой дом,
Витёк о морях вспоминал, парходах,
а я – о горах, и о горных походах;
начальник – как строил свой дом.
Евгений-москвич – о Москве, он учёный,
шеф-повар – о рыбе, бруснике мочёной,
он тоже в Москве поварил
в каком-то престижном крутом ресторане.
Евгений к тому же играл на баяне,
а Саня нам кашу варил.
На тысячи вёрст ни жилья, ни избышки,
медведи да лоси, другие зверюшки,
скрывались от нас в камыши.
Ондатры да волки, гусиные стаи
и лебеди парами в небе летали,
селились в озёрной тиши.
В озёрах ловили мы белую рыбу –
сига, чир и пелядь,
форелью могли бы
кормить своих близких легко,
да только до дома лететь трое суток.
Съедали мы сами зажаренных уток
с вкуснейшею царской ухой.

* * *

В Ферганской долине
печёт невозможно.
Узбеки скучают,
пьют чашками чай.
В Ферганской долине
брожу осторожно
по жухлой пустыне
огня и песка.
Колючки повсюду,
снуют скорпионы
и змеи опасно затихли в тени.
Наш профиль уходит в долину на склоны,
где горы Тянь-Шаня и скалы одни.
В долине привольно,
в тени родниковой
сады зеленеют,
звенят ручейки,
и вкус абрикоса, и сливы медовой
меня оживляют у горной реки.
И сладко забыться в минуты привала
под тенью чинары,
моля об одном,
чтоб стало прохладней –
плюс сорок не мало
для русского парня
со светлым лицом.

В Крыму

По острым скалам,
по горным тропам
с друзьями рано
ходили много:
по древним храмам,
подземным кельям,
пещерным гротам,
святым ущельям.
На этой райской
святой земле
нельзя не плакать
и не влюбиться,
нельзя не плавать
в чистейшем море,
нельзя быть в скуке,
нельзя быть в горе.
И я влюбился
в красоты эти,
где много солнца,
где много света,
где много жизни
и много счастья,
что не могли мы
не повстречаться.

Памирская песня

Горы выше туч.
Солнца светлый луч
заглянул в окно палатки.
В шесть утра подъём,
на гору пойдём,
поиграем с ней в прятки.

Маршрут на карте вычерчен стрелой,
пора палаток и костров настала.
И мы в поход идём, как будто в бой
на штурм вершин и новых перевалов.

Что-ж под рюкзаки,
берегом реки,
в связках на ледник с Богом!
Там на перевал и по гребню скал,
к Господу наверх дорога.

Нам ли унывать,
ну и наплевать,
что в горах стоят тучи.
Лишь бы не пурга,
мы и в облаках
покорим памирские кручи.

Романтики дальних дорог

Я пел об озёрах и горных вершинах,
я пел про потерянный рай,
когда мы в тайге "пропадали" красиво
под яростный стук топора.

Когда мы взрывали промёрзшую землю
и мёрзли в жестокий мороз,
я грезил Кавказом, походами грезил
и в горы хотелось до слёз.

Но, странное дело, в походах тяжёлых,
когда всё валилось из рук,
я думал о "поле", о тёплой зимовке,
чтоб лес и болота вокруг.

И снова на профиль хотелось с отрядом
надёжных друзей-работяг,
в уютный балок, чтоб с природою рядом,
и реял над пармою флаг.

В балке мы ютились и днём, и ночами,
по профилю сутками шли,
частенько о доме и жёнах скучали,
а дети при этом росли.

В тайге по полгода от дома родного,
хотелось на отчий порог,
но кроме любви знал я счастье другое —
романтику дальних дорог.

Раздел 5 ОТЧИЙ ДОМ

Отчий дом

Люблю тебя, наш скромный отчий дом,
за теплоту домашнего уюта,
за дивный свет, за каждую минуту,
когда мы жили в доме впятером:
родители, мой брат, сестра и я.
Стремительно промчалось это время.
Мы с Ванею – совсем младое племя,
не понимая, что нас ждёт семья,
с друзьями то в войну,

то в догонялки

играли, или были на рыбалке,
или гуляли просто тут и там,
слонялись где-то по чужим дворам.
И, прибегая в дом перекусить,
потом уснуть под ночь в кровати белой,
не думали, что дальше жизни целой
не хватит, чтоб о доме нам грустить.
О нашем доме, где мы всей семьей
так славно жили до отъезда в город,
в деревне нашей, где душою молод
был даже дед Потап, шутя со мной,
что он в свои сто лет ещё здоров
и водку пить, и на полях трудиться,
косить траву, и даже подрядиться
пасти в деревне стадо всех коров...

Как жаль, что этой жизни больше нет,
как нет Ивана, папы, многих близких...
За упокой пишу я им записки
и свечи ставлю, вспоминая их.
Молюсь за всех скончавшихся родных
и тихо плачу...

* * *

В заколоченные окна
не стучится больше ветер.
Опустевший, без хозяев
приуныл наш старый дом.
Разлетелись все по свету,
никого в деревне нету...
Сизый дым от сигареты
поднимается столбом.

Заросли крапивой двери,
нет тропинки до калитки,
а когда-то жизнь бурлила,
била радостным ключом...
По столбу ползут улитки
среди ромашек – маргаритки...
Ни знакомых, ни политики,
ни вопросов: что – почём?

Никуда я не уеду
от родной моей землицы.
Что мне город? Что работа?
Я давно от них устал.
Лишь бы теплилась лампада,
да Господь дал сил трудиться,
да еще дал сил молиться –
Славить милого Христа!

* * *

Мамочка родная –
белый свет в окошке.
Наполняет душу нежное тепло.
За окном ненастье,
все пути-дорожки
до родного дома снегом замело.
Далеко от дома увела дорога –

носит меня ветер по чужим краям.
Пройдено немало, прожито немного.
всё во славу Бога людям я отдам.

Где б меня, родная, в жизни не носило,
согревает душу нежное тепло.
Знаю, что всегда ты молишься о сыне,
потому на сердце тихо и светло.

* * *

Свет мой лучезарный,
свет мой золотой,
доченька Светланка,
солнышко моё.

Ты – моя кровинка,
папины глаза,
сердца половинка,
радость и слеза.

Ты – моё участие,
посланное свыше,
боль моя и счастье,
сердцем меня слышишь.

Доченька Светланка,
только не грусти.
Дай прошу ей, Боже,
счастья на пути!

дочери Светлане

Там где плакали кровью
 продрогшие ветки берез,
где кричал коростель
 и свистел соловей постоянно,
после утренних гроз
 до меня тихий ветер донёс
имя близкое мне
 и родное навеки –
 Светлана.

Я смеялся и плакал,
 не в силах сдержать больше слёз,
я немел от обид,
 омывая в слезах свои раны.
Я и жил не всерьёз,
 я любил и грешил не всерьёз,
и осталось одно только имя родное –
 Светлана.

Я прошёл по земле, как герой,
 не одну сотню верст,
покорил сто вершин
 и везде повторял неустанно
имя близкое мне
 и родное навеки,
 до слёз,
имя дочки –
 Светлана, Светлана,
 Светлана, Светлана.

* * *

В моей берлоге пусто и темно,
и холодно,
и моль вокруг летает.
Лишь светлый ангел залетит в окно,
тотчас моя берлога оживает.

И всё преобразается вокруг
и расцветают пышно хризантемы,
хлопочет и хлопочет милый друг,
решает все житейские проблемы.
Помоет мне оконное стекло,
покрасит белым цветом мои дверцы,
и станет вдруг спокойно и тепло,
и радость заполняет моё сердце.

* * *

Нет роднее человека,
мы идём в руке рука...
Всё покрыто первым снегом –
лес, деревья и река.

На снегу горит брусника,
снег идёт, идёт, идёт...
–"Папа, папа, погляди-ка,
по реке творог плывет".

–"Не творог, а снег и льдинки,
это, доченька, шуга".
Не могу забыть картинку –
лес, мы с дочкой и река.

* * *

Плачет по ночам моя дочурка,
сердце разрывается на части.
Чутко спит жена и я сплю чутко,
слышим, как рыдает наше счастье.

Подойду, возьму её на руки,
нежно поцелую, успокою.
Что за горе? Что ещё за муки?
Слезы так и катятся рекою.

Кто её обидел – страшный леший?
Что во сне могло ей показаться?
Голову поглажу нежно-нежно.
"Спи, мой ангел, нечего бояться".

И уснёт, услышав мои вздохи,
засопит, чему-то улыбаясь.
Кто её обидел, мою кроху? –
До утра всё думаю, вздыхаю.

* * *

Что за крики, что за шум спозаранку?
Звонким голосом нас будит Светланка.
На весь дом звенит её колокольчик,
ну чего тут не понять, кушать хочет.

А прильнув губами к маминой груди,
долго чмокать и сосать титьку будет.
Как напьётся, то опять засыпает:
Что ж, растёт, день ото дня прибывает.

Наше счастье, беспокойное бремя,
отнимаешь ты у нас всё то время.
Целый день пелёнки, крик, распашонки,
чтобы помнили о бедном ребенке.

* * *

На лошадке по равнине
еду – тишь, да благодать!
В гости к баушке Арине
на деревню гостевать.

Сани-розвальни по снегу
в даль стремительно бегут.
Сивка-бурка быстрым бегом
радует унылый путь.
Снег искрится в чистом поле,
синим светом манит даль...
Бесконечное раздолье,
вековечная печаль...

* * *

Как сладко лить пред Богом слёзы,
когда полна душа теплом,
а за окном трещат морозы,
стучатся в мой промёрзший дом.

Горит пред образом лампада,
стоит за ней живой Христос.
И больше ничего не надо –
один Господь и радость слёз.

Присяду к печке, пламя скачет,
на сковородке лук скворчит.
А за окном метели плачут,
и черти бесятся в ночи.

Мальшевой Ольге

На полянах средь ромашек
 собираю землянику,
пахнет радостью и медом,
пахнет детством, Боже мой!
Так в деревне всей гурьбою собирали –
 смех и крики,
и, набрав доверху миски,
 шли весёлые домой.

Земляничные поляны
 солнцем ласковым согреты
и дурманит дух медовый –
 земляничный аромат.

Земляника, земляника,
 Олька, Олька, где ты, где ты?
Помнишь, Олька, иль не помнишь
 наш цветущий райский сад?

Как гуляли мы с тобою,
 благо жили по соседству?
Как залазили на печку,
 чтоб погреться на печи?

Земляника, земляника –
 ароматный запах детства...

Не воротись, не воротись –
 хоть кричи, хоть не кричи...

**Моему желанному,
так и не рожденному сыну**

Я рубиновый стаканчик
переполню красным соком.
Пусть волнуется шампанским
и искрится янтарем.
Не кори меня, мой мальчик,
все мы смертны перед Богом:
кто-то раньше, кто-то позже,
все когда-нибудь умрём.

Конь буланный бьёт копытом,
чёрный ворон в небе кружит,
басурманы чёрной тучей
надвигаются на Русь.
Знаю, быть врагу разбиту,
в чистом поле в злую стужу,
все оковы зла разрушу
и с победою вернусь.

Нет, мой сын, прекрасней доли –
бить врага в открытом поле,
до последнего дыханья
славе Господа служить.
Нет и счастья выше, боле –
быть слугой Всевышней Воли,
в нищете мирской юдоли
буйну голову сложить.

* * *

В зимней чаще тихо-тихо
пробирается лосиха,
а за нею меж сосёнок
по следам ползёт лосёнок.

Из-под снега только ушки
притаились на макушке
да два ласковых глазёнка,
как у малого ребёнка.

Снег искрится и сияет,
лосям невдомёк,
что по следу догоняет
их матёрый волк.

* * *

Я Кирюше внуку прямо
говорю, чтоб слушал маму,
чтобы папу с дедом слушал.
Удивляется Кирюша.
– Деда Женю, или Сашу,
или дедушку Аркашу?
Каждый взрослый внуку дед,
ему нет ещё трёх лет.

* * *

Счастья дедушки не скрою,
с внуком дом из ЛЕГО строю,
каждому по этажу.
"Я ещё гараж сложу,
заявляет внук, – и крышу."
Дом растёт всё выше, выше.
Вот построим, будем жить,
песни петь и не тужить.
Тесно жить в одной квартире,
дом мы строим выше, шире.

Мама утка и семеро утят

На поляне цветут незабудки,
в чаще леса звенят родники.
Очень важно из зарослей утки
проплывают по глади реки.

Мама-утка семь серых комочков
прокормиться к затону ведёт –
семь пушистых сыночков и дочек
защищает от бед и невзгод.

Не боится людей, что повсюду
ловят рыбу, о чём-то кричат,
и мальчишки бегут на запруду,
чтоб поймать себе серых утят.

Крякнет утка и деток не видно,
скрылись в толще зелёной воды,
мне за глупых мальчишек обидно,
кто бы спас их от страшной беды.

Глядь, и сами в азарте утонут,
не поймать им проворных утят,
но ныряют, от холода стонут
и вылезать никак не хотят.

На Койтовских озёрах

По снежной целине
бреду не для забавы:
осинок нарублю
для зайцев и лосят.

А летом здесь цветут
кувшинки и купавы,
и утки в тишине
по глади вод скользят.

Мороз под тридцать пять –
крепчает и крепчает,
но радостно в глуши
среди озёр бродить,

и бутерброд с салцом,
и кружка иван-чая
горячего в тайге
спасает и бодрит.

* * *

На бору в лесной избушке
сладко спать и отдыхать,
под весёлый звон кукушки
годы в будущем считать.

– Два, четыре, шесть, семь, восемь...
Жить да жить ещё в тиши
среди высоких красных сосен
посреди лесной глуши.

Только б живы были дети,
внуки в здравии росли,
чтоб смогли на этом свете
счастье с Богом обрести.

Лесное эхо

По звенящей снежной стёжке,
по едва приметным вешкам
я спешу к своей сторожке,
где живёт лесное эхо.

"Эге-ге-гей – кричу я эху.

Как скажи твои дела?"

"Эге-ге-гей – в ответ со смехом –

А у нас метель мела."
Пробираюсь вдоль опушки
из последних своих сил.
"Эге-ге-гей, скажи в избушку
кто-то ночью приходил?"
"При-хо-дил" – в ответ несётся.
Вижу свежий волчий след,
а в предбаннике скребётся
белый заяц – мой сосед.
Он живёт неподалёку,
забегает погостить.
Я всегда беру в дорогу
хлеб, чтоб зайца угостить,
иль морковку, иль капустку.
Как ручной спешит ко мне,
и капустку ест он с хрустом,
перепрыгнув в белый снег.
С ног своих снимаю лыжи,
ставлю около жилья.
Белка прыгает по крыше –
гостья рыжая моя,
И проворные сороки
что-то весело трещат.
Что трещите белобоки?
Я вам тоже очень рад.
Погостив в глуши таёжной,
вечером спешу домой.
А по следу осторожно
заяц прыгает за мной.

Богатый улов

На Печоре на реке
с другом зельдь тягали,
листья жёлтые с берёз
на воду слетали.
И такая благодать
разлилась над миром,
что веселья удержать
больше не могли мы.
И смеялись от души
и взахлёб кричали,
а клевали то ерши,
то ельцы вначале.
Вдруг у друга поплавок
заходил по кругу,
"Что ты спишь, тяни скорей," –
говорю я другу.
Рыба крупная ему
на крючок попалась,
долго в глубину вела
и сопротивлялась.
И когда мой друг её
вывел из пучины,
оказалось, что поймал
крупного налима.
Двухметровый великан,
ростом больше друга,
приходила посмотреть
вся потом округа.
Вскоре жизнь нас развела,
больше не встречались,
но друзьями на всю жизнь
лучшими остались.
И понятно, что свела
нас навек рыбалка...
Осень солнечной была,
очень было жарко.

* * *

Мой белый Бим – пушистый хвост,
мордашка в кружеве волос,
добрейший взгляд, печальный вид:
Ты кем заброшен и забыт?

Совсем один по чьей вине?
Так нежно лижешь руки мне,
душою чувствуешь собачьей
чужое горе и несчастье.

Ты жди, хозяин твой придёт.
А мне никто уж не вернёт
мою семью, тепло, уют –
ведь не вернёшь, что предают.

Когда ломается всё в прах,
когда проклятья на губах,
когда в висках набат гудит,
и сердце рвется из груди.

* * *

Не просто жизнь свою сложить,
я в этой жизни был и не был...
А над рекой снуют стрижи
и летнее пронзают небо.

А я стою на берегу,
рыбачу, время коротаю,
а над рекой стрижи снуют
и в гнёзда слёту залетают.
Они приносят корм птенцам,
они их в жизнь с крыла выводят,
а я один. Мои птенцы
своей дорожкой где-то ходят.

Сказочные будни

Кружат белые метели,
белые снега...
Ходит с клюшкой еле-еле
бабушка Яга.
Плохо бедненькой старушке,
третий день не спит,
зубы ноют, и замучил
горб радикулит.
"Лучше б на печи сидела" –
думает Яга –
Лишь полцарства облетела,
а мороз, пурга.
Да ещё на медни села
В ступе у крыльца.
Вижу, хлопец, ну и съела
Ваню-молодца.
– О-хо-хо – кряхтит старушка –
Как же дальше жить?"
"О-хо-хо", – скрипит избушка
На ветру в глуши.

* * *

А время проходит, как вор без ответа,
А лучшая песня ещё не пропета,
Ещё не написаны лучшие строчки,
Ещё подрастают проказницы-дочки.

А время коварно, и неумолимо,
Ещё не сказал о любви я любимой,
Ещё на письма родных не ответил,
Еще я друзей своих лучших не встретил.

А время, а время, а время, а время...
Ещё я не узнан знакомыми всеми,
Ещё я не понят своими родными,
Ещё неизвестность хранит моё имя.

* * *

Лицом к лицу – лица не увидеть –
простая до обиды аксиома.
Порой не видим собственную мать,
когда всё время рядом с нею дома.

Порой не ценим близких нам друзей,
с которыми всю жизнь делили горе,
и предаём, ругая их везде,
а то по пустякам до драки спорим.

Печально, что не можем мы любить
не то, чтобы врагов, но даже близких,
по глупости способны погубить
своё дитя на школьной тропке склизкой.

Не ведаем, что слово словно нож,
не только ранит, но и убивает,
что даже мыслью запросто убьешь,
и, к сожалению, часто так бывает.

Печально видеть нынче христиан
озлобленных, сварливых и тщеславных.
А сколько мы наносим людям ран?
А как грешим мы в "подвигах" бесславных?

* * *

К папке в гости прихожу,
рад счастливой встрече.
На него гляжу-гляжу –
на душе всё легче.

Папка с виду молодец,
радостен и светел.
Улыбается отец,
ярко солнце светит.

Хорошо нам здесь вдвоём,
тихо и спокойно.
Песню тихо запоём:
вовсе не покойник

мой отец. Он жив, здоров,
кротко улыбаясь,
с фотографии глядит,
словно извиняясь.

Папка, папка! Тихий свет
льётся с обелиска.
Шлёт из вечности привет
всем – родным и близким.

* * *

Я проснулся в сладкой неге:
никуда идти не надо.
Пахнет испечённым хлебом,
пахнет свежими блинами.

На душе тепло и сладко,
как за пазухой у Бога.
У икон горит лампадка,
и Господь совсем не строгий.

Мама молится у печки:
"Есть то встанешь, лежебока?"
Ставлю восковую свечку
и молюсь смиренно Богу.

За окном пурга, ненастье,
мокрый снег стучит в окошко.
Я прошу для мамы счастья
и здоровья хоть немножко.

* * *

Дождь на улице стучит и стучит,
барабанит по стеклу на окне.
Мама бедная не спит и не спит,
вспоминает обо мне, обо мне,

Вспоминает о сыночке своём,
как растила с самых маленьких лет.
Как мы вместе с ней ходили вдвоём,
и во что я был когда-то одет.

Горько плачется душе за детей,
что ушли от матерей навсегда.
Дождик капает с намокших ветвей,
словно это не вода, не вода.

Племяннику Денису

Белые метели заметают землю,
на кровати сладко дремлет чёрный кот.
Ласково мурлычет Гошка свою песню,
за окном метелица жалобно поёт.

Что-то напевая, мама вяжет свитер,
чтобы внук Дениска в школе не замёрз.
А Дениске с нами дома не сидится,
убежал к мальчишкам: что ему мороз.

Бегают по горкам ребятня, ликует,
пронесутся вихрем выходные дни.
Белая позёмка меж домами дует,
веселятся света яркие огни.

А на дачах нынче затопили бани,
дым из труб клубится,
топят там и тут.
Там у тётки Марьи, тут у дяди Вани
словно "на деревне" здесь они живут.

Я гляжу часами на мою деревню,
как позёмка вихри меж домами вьёт.
Ласково мурлычет Гошка свою песню,
за окном метелица жалобно поёт.

* * *

Тётушка Лампея,
бабка Пелагея,
тётка Серафима,
дедушка Матвей –
сколько раздали
ласки не жалея,
чтобы жить в деревне
было веселей.

Все внучата, внучки
под одною крышей
собирались в доме
бабушки моей.
Бабушка молилась
кротко пред Всевышним
и всегда кормила маленьких гостей.

Помню стол накрытый
прямо у Божницы,
рядом Красный угол,
радостный Христос.
И светились счастьем,
и лучились лица
будь то жарким летом
иль в большой мороз.

Бабушка – как солнце,
как кусочек неба,
полная любви
и как тень легка –
раздавала внукам
по кусочку хлеба,
наливала в кружки
молча молока.

Ели мы и пили,
и тогда казалось
ничего на свете
не было вкусней.
Бабушка родная!
Ах, какая жалость:
не пришлось проститься
перед смертью с ней.

* * *

Снится отец, хоть его уже нет,
нет вместе с нами на свете,
снится отец, шлёт живым нам привет:
– Как поживаете дети?

– Всё хорошо. Только вот без тебя
мама скучает и плачет,
но всё-равно, нас лентяев любя,
всё пропадает на даче.

Внучка Дашулька растёт и растёт,
спросит: "А где у нас деда?"
– Деда, Дашуля, уже не придёт,
дедушки, Дашенька, нету.

– Как тебе папка живётся без нас
в новых селеньях небесных?
Мы вспоминаем тебя каждый раз,
как запоют твои песни.

Раздел 6

ЛЮБВИ НЕВИДИМАЯ НИТЬ

* * *

Бреду один по Млечному пути
Извилистой тропинкой звездопада.
Прошу тебя, родная, не грусти.
Грустить, поверь, тебе совсем не надо.

Я вижу всё с небесной высоты,
сверкаю лучезарною звездой.
Мне хорошо. Все помыслы чисты.
И ты всегда, любимая, со мною.

Среди иных неведомых светил
Я вспоминаю жизнь свою земную.
Не как страдал, а как тебя любил.
И нежно с высоты в уста целую.

* * *

Качается фонарь в конце ночной аллеи,
над крышами домов клубится сизый дым.
По прошлому грущу, о будущем жалею
печальный лицедей, уставший пилигрим.

Остались позади счастливые забавы,
надёжные друзья, семья и вся родня.
Давно уж не со мной живёт моя любавя,
давно живу один в глуши таёжной я.

И знаю, впереди всё та же тишь и скука,
молитвенный покой и сладкая печаль.
На фото со стены глядит моя супруга,
качается вдали, в тиши, ночной фонарь.

* * *

Состояние до плача:
за окном метель метёт,
замерзает тихо дача,
заметает огород.

По заснеженной тропинке
предвечернею порой
ходит парочка в обнимку
и целуется взапой.

Что им холод, непогода,
когда жар горит в груди?!
И морозы, и природа
о любви лишь говорит.

* * *

В тишине, среди лесной глуши
Боль уйдёт и сердцу станет легче.
Ты пиши мне, милая, пиши!
Твои письма душу мою лечат.

Загорел рубинами восток,
Запад тихо-тихо догорает.
Я читаю письма между строк,
Знаю, что душа любви желает.

Знаю, что бескрылая она -
Без любви душе не до полёта.
Междузорье, синь и тишина.
Знай, что тебя любит нежно кто-то.

* * *

На небе серп луны
златые звёзды косит,
и падает с небес
весёлый звёздный дождь.
Родная, не грусти,
никто тебя не спросит,
как встретиться с тобой
нам в жизни довелось.

Быть может просто ты
желанье загадала,
быть может просто я
желанье загадал,
Медведица в ночи
смеялась и сияла,
когда наш звёздный час
свидания настал.

И падали с небес,
прощально вспыхнув звёзды.
Стрелец пустил стрелу,
мигнув нам с высоты.
И радовались мы,
идя по звёздным росам,
и за своей спиной
сжигали все мосты.

* * *

Этой ночью не до сна,
не до разговоров.
И бросает вновь весна
в рифмы, в строчки, в ссоры.

Даже в споры с кем-то там,
что во мне глумится.

Как мальчишка – стыд и срам,
вновь готов влюбиться.

Вроде бы не по годам
мне такие страсти.
Не пристало старикам
быть у чувств во власти.

Эх, проказница весна,
что же вы, девчонки!
Этой ночью не до сна –
Радостно и звонко!

Свидание по Фету

Запах мяты и левкоя,
шёпот родника,
полумрак, поляна, двое,
и в руке рука.

Волка вой и лай лисицы,
филин и сова,
страхи, страсти, небылицы...
и слова, слова.

Пурпуром небес свечение,
фосфором луна,
обожание, отречение,
исповедь до дна.

Вздохи, трепет, глаз сияние,
с песней глухари,
двух сердец и губ слияние
до костра зари.

Зимняя идиллия

Мир тишины и нежных слов,
где правит светлая любовь
и тихая печаль,

где дым струится из трубы
и телеграфные столбы
божественно звучат.

Здесь нет условностей людей.
В теплице белых орхидей
благоухает май.

А за окном дремучий лес,
и кружит вихрем снежный бес,
и ухает зима.

Масленниковой Лиде

Высоко-высоко журавли
далеко-далёко улетают.
О моей несбывшейся любви
мне опять в тиши напоминают.

И звенит высокая струна
моей страсти пламенной и чистой,
и встаёт передо мной она –
словно ангел кроткий и лучистый.

Я о ней мечтал так много лет,
посвящал свои стихотворения –
мой манящий лучезарный свет,
лучшее у Господа творенье.

Первая любовь, наш первый класс.
Ты вошла, и мир преобразился.
Позже я влюблялся много раз,
Но в тебя я на всю жизнь влюбился.

Последний звонок

По золотому полю одуванчиков
иду, склоняя голову свою,
на бегаящих девочек и мальчиков
боюсь смотреть,
лишь песенки пою.

Красиво распускаются купальницы,
разносит звонко трели соловей.
Девчонки длинноногие купаются,
смущая наготой меня своей.

Ну что сказать им... Вроде уже взрослые,
последний прозвенел у них звонок,
совсем, можно сказать, простоволосые,
без лифчиков и даже без порток.

И всё же не могу сдержать эмоций я,
ведь всё же дети, как не приглядеть.
"Ну, что же вы купаетесь совсем босые,
в такой воде недолго заболеть!"

На кустиках их джинсики и кофточки.
И парни рядом фыркают – дела!
Но всё же вышли на берег девчоночки,
все как одна – в чём мама родила.

* * *

Пасмурно и грустно на душе.
Нудный дождь стучит всю ночь по крыше,
в подполе скребутся тихо мыши,
и соседка ходит в неглиже,
из окна маячит мощным бюстом.
Чтобы ей плутовке было пусто.
Так нельзя с мужчиной поступать,
холостым, лет двадцать не женатым.
Жалобно скрипит моя кровать,
и подушка мягая из ваты
в Тузика летит, как будто он,
бедолага, в чём-то виноватый.
Пятый час, вот-вот начнёт светать,
петухи орут, срывая горло.
Замычала Зорька, ей припёрло
чтоб её, беднягу, подоить.
Выхожу во двор поговорить
с бессловесной живностью своей.
На душе становится светлей,
да и день, как будто, рассветает.
Вдаль ночные страхи отступают.
Жизнь берёт своё – доить, кормить,
выгонять на улицу скотину,
а потом по лесу побродить,
белых и маслят набрать корзину
и сказать в тиши, придя домой,
как мне хорошо, Спаситель мой!

* * *

В таежной избушке, в сосновом бору
старею, старею, старею,
ни ягод уже, ни грибов не беру,
лишь чайник на печке согрею,

костёр разведу и присяду в тиши
согреть свои зябкие руки:
настрою уставшие струны души
на ветер, на солнце, на звуки

и буду кружиться в лесной тишине
с опавшей осенней листвою,
и будет опять очень радостно мне
с тобою, родная, с тобою.

* * *

О любви не говори:
вдаль слова уносит...
Дождь. По лужам пузыри —
на закате осень.

Плачет тонкая ветла
тихо у колодца.
Грусть моя тиха, светла,
вся залита солнцем.

Разноцветною гурьбой
ветер листья носит...
Как мы счастливы с тобой
нас никто не спросит...

*"За полями, за речушками частыми,
Где-то бродит мое счастье несчастное"*

М. Прилуцкая.

За полями, за речушками чистыми
где-то бродит мое счастье лучистое,
ходит-бродит без меня, где-то мается,
только эхо мне в ответ откликается.

– Где ты ходишь мое счастье желанное?

А в ответ ко мне доносится: "Анна я".

– Где ты, Анна, заблудилась в глуши лесной?

А в ответ из леса слышу: "Иди за мной!"

И пускаюсь я тернистыми тропками
по тайге глухой, болотами топкими,
за поля, леса, за реченьки чистые,
там где ходит мое счастье лучистое.

* * *

Тихая грусть поселилась в душе,
кошкой скребётся по сердцу.
С милым и рай, говорят, в шалаше,
мне без тебя не согреться.

Мёрзнут ладони в холодной ночи,
сердце сжимает остуда.
Выпь на болоте протяжно кричит,
вызвав в душе моей смуту.

Мне тяжело без тебя, ангел мой,
ноет разбитое сердце.
Ждёшь ли, когда я приеду домой,
чтобы нам вместе согреться.

* * *

Звёзды ярко блестят,
Млечный Путь
белой линией тянется в горы...
Я забуду, и ты позабудь
все обиды и глупые споры.

Ты осталась одна, я один,
мы с тобой далеко друг от друга.
Между нами на тысячу верст
разгулялась свирепая вьюга.

Все метёт
и метёт,
и метёт,
и не видно конца ей и края.
А в горах Марьин корень цветёт.
Солнце яркое в небе играет.

* * *

Любимый взгляд,
прикосновение губ
ещё в душе алеет и искрится...
Уйти от всех,
остаться одному,
продлить твой вздох,
продлить твой взгляд –
забыться!

На заре

Ты спи, на мне твои грехи.
Навстречу утру петухи
Уже запели.

Шальные, право, как кричат.
Полоска тонкого луча
На белом теле...

От радостной истомы – в дрожь.
Не просыпайся, не тревожь
Секунды эти.

Боюсь, что это только сон,
Боюсь, что вдруг растает он,
Боюсь рассвета.

Т.Е.

Любовь моя, постой, постой,
побудь со мной, побудь со мной,
оттай, согрей и удержи,
одно "Люблю!" скажи, скажи.

Как больно, сладостно, легко,
как необъятно, высоко,
как прочно, хрупко и воздушно,
необъяснимо, непослушно.

Как удержать, скажи, скажи,
одну уже, не две души,
как не порвать, как сохранить
любви невидимую нить.

Кто знает?! Да никто, никто,
нет правил и наук о том:
стихии чувств, стихии бед,
прогнозов нет, законов нет.

1979 г.

* * *

Твои глаза так хороши!
Но без души, но без души.
Пусть ярче звёзд они горят,
Но с мёдом в них намешан яд.

Огонь в них жаркий и хмельной
Души тщеславной и немой.
И моей веры больше нет
Сиянию побед и бед.

Ты ослепительна, и всё ж,
Судьбы назад не повернёшь,
И быть чему, тому не быть:
Я не хочу тебя любить.

1980 г.

М. В.

Неспокойно на душе,
ветер ветки гнет,
не увидимся уже,
скоро самолёт.

Скоро унесёт тебя
даль иных забот,
и закрутит в вихре дел
нас водоворот.

Ты на запад улетишь,
я уйду на юг.
Никогда нам не сойтись
вместе, милый друг.

Что ж, как видно не судьба
быть нам под венцом.
Ты – своих страстей раба,
я же раб Христов.

* * *

Полярная Звезда мерцает в темноте,
указывает путь перед моим окошком.
Я многими любим,
хоть любят всё не те
и лезут мне в кровать,
как мартовские кошки.

Упрямый Водолей льёт воду из ведра,
Рак пятится назад,
в полнеба спину выгнул,
а я люблю людей, а не гулящих баб,
а я люблю детей и девушек невинных.

И что ни человек, то яркая звезда
сверкают в небесах, как будто на параде,
И только блудники спасаться не хотят,
слились с ночною тьмой и лишены награды.

* * *

Сад осенний опустел, опустел,
лист последний облетел, облетел,
и стоит мой сад, тихонько звеня,
словно плачет и пугает меня.

Вишни, яблоки убрали давно,
из последних фруктов бродит вино.
И попробовав из вишен вина,
вспоминаю, как цвела здесь она.

Как кипел в саду весной медоцвет,
словно в белую рубашку одет.
Как слетались пчёлы в сад мой на мёд,
как потом краснел и радовал плод.

Отзвенела золотая пора:
съела яблоки в саду детвора,
и пылают вишни, словно в огне,
на столе искрятся в красном вине.

Н. Г.

С улыбкою встречать потери,
безмолвно ждать и свято верить
в бессмертие души.

Хранить счастливые мгновения
и принимать, как откровение,
дарованную жизнь.

В унылый быт и дней безбрежность
нести покой, тепло и нежность,
добро и благодать.

Такой пустяк, такая малость –
создать в семье уют и радость,
что жизнь не жаль отдать.

* * *

Мы стали чуть бедней,
когда любить устали.
Мне жаль ушедших дней...
не стало их, не стало.

Устало смотрит мир,
который упростили,
как в небо голубей
из клетки отпустили...

Но всё ещё звенит
и бьёт счастливым током
меж наших двух сердец
струна любви высокой!

* * *

Белая черемуха –
белые снега,
стала белой лебедью
Емвалька река.

Утопает в праздничных
белых кружевах,
опьяняет запахом
и цветеньем трав.

Дух медовый, сказочный
на реке стоит.
Белыми нарядами
Емвалька глядит.

Белые черёмухи
встали в хоровод.
Белая лебёдушка
по воде плывет.

* * *

Милая, где бы я не был,
жди меня, скоро приду...
Сыплет черёмуха снегом,
рыба играет в пруду.

Блики на солнце искрятся,
птички на ветках поют,
В тихом лесочке гнездятся,
семьи свои создают.

Вот вместе с ними и мне бы
песни соловушкой петь.
Взмыть бы в высокое небо,
и до тебя долететь.

* * *

Опять опоздал я,
и ты опоздала.
Наш поезд отходит,
отходит с вокзала.
Наш поезд отходит,
обдав нас волною.
Опять на причале
остались с тобою.
И вдаль уходящему

поезду смотрим,
и счастья
в угасшей любви
не находим.

* * *

На берёзе ворона,
а на ёлке желна.
Я безмерно влюблённый
просыпаюсь от сна.

Вместе с новой листвою
сок берёзовый пью,
запоздавшей весною
я о счастье пою.

Всё ликует, смеётся,
будоражит, пьянит.
Ясноликое солнце
в синей речке стоит,

И меня приглашает
искупаться вдвоём,
а ворона летает,
всё кричит о своём.

* * *

Былого счастья не вернешь,
и нужно ль это?
Стучит по крыше мелкий дождь
и шлёт приветы...

От всех, кто мною был любим,
и был со мною.
Клубится в печке сизый дым,
и ветер воет.

Устал мне маятник стучать –
остановился.
Устал мой кот со мной скучать,
Куда-то смылся.

И стонут, стонут на ветру
в ночи берёзы.
И никуда мне не уйти
от этой прозы.

* * *

Незащищенная моя,
мой милый нежный друг,
скользят над бездной бытия
две пары гибких рук.

Мерцают в сумраке ночи
глаза, как вспышки звёзд,
и, хоть кричи, хоть не кричи,
люблю тебя до слёз.

Мой нежный ангел, что за смех?
Не смейся и молчи.
Гляди, как в сумраке небес,
звезда горит в ночи.

* * *

Я к ней летел, я был согрет
сиянием белых крыл.
Я белый-белый липов цвет
любимой подарил.

В саду моём цвели кусты
прекрасных ярких роз,
а я невзрачной красоты
ей липы цвет принёс.

Горячий полдень к речке звал,
звенел в лугах июль,
а мы пошли на сеновал
под белый-белый тюль,

И в изголовии своём
рассыпали букет,
и пчёлы к нам, почуяв мёд,
слетались на цвет.

Дурманил сена аромат,
пьянил медовый вкус,
и мы не стали в этот раз
терпеть хмельной искус...

И долго в знойной вышине
кружил пчелиный слёт,
и долго-долго в тишине
мы пили сладкий мёд.

М. В.

Мне очень жаль, что нам не по пути,
что разлучила нас с тобою осень.
Мне очень жаль, прости меня, прости
за то, что не хожу к тебе я в гости.

Что я руки тебе не подаю,
что не целую губ и не желаю.
Мне очень жаль за сдержанность мою:
ты ждёшь другой любви, я это знаю.

Но сколько их, желающих тебя,
и любящих неистово и страстно.
И губящих в страстях, в пылу огня,
и гибнущих с тобою безвозвратно.

Для них ты только красочный цветок,
которым надо вдоволь насладиться.
Но это не любовь! Помилуй Бог,
в тебя мне так же страстно бы влюбиться.

Но все-же я люблю тебя, поверь,
всем сердцем, очень трепетно и чисто.
В моей душе тебе открыта дверь –
входи, но не голодной волчицей.

Мы будем вместе хлеб делить и соль,
всё пополам – и горе и награды.
Конечно, жалко, что ты не Ассоль,
но мне так хорошо, когда ты рядом.

* * *

В любви среди людей я не нашел ответа,
от счастья двух сердец, признаюсь, не был пьян.
Я всем дарил любовь, тепло и радость света,
но получал взамен предательский обман.

Не то, чтобы меня по жизни не любили,
не то, чтоб у меня не волновалась кровь:
любили меня так, что и себя губили,
но только то была иудова любовь.

Сегодня любят все грехи свои и страсти,
богатство, деньги, власть и личный интерес;
не ведают греха, не знают люди счастья,
любовь для многих – секс и сладострастный бес.

Нет выше той любви – чем умереть за брата!
Нет той любви сильнее – чем рядом с Богом быть!
А мне другой любви, представьте, и не надо:
мне б только с Богом быть и Господу служить.

* * *

Господи Всеблагий! Господи Предвечный!
Господи Всесвятой, все грехи прости!
Подари мне вечер тёплый и сердечный,
Чтоб теплом сердечным грелся я в пути.
Чтоб тепло любимой душу согревало,
Чтоб веселью дочки был я вечно рад.
Господи любимый, так прошу я мало:
Только вечер счастья, чтоб был мир и лад.
Белые метели путь мой заметают,
Хороводит ветер словно лютый зверь.
Скоро стихнут вьюги, скоро снег растает.
С крыш уже стучится первая капель.

Скоро Пасха – Праздник всеми Величальный,
Скоро мир осветит яркий Божий Свет.
Подари мне, Боже, в жизни столь печальной
Только вечер счастья – больше просьбы нет.

Р. К.

День за днем проходят,
переходят в вечность.
Не вернётся время
вспять, где ты и я.

В совершенстве круга
скрыта бесконечность:
тайна вечной жизни,
тайна Бытия.

Не вздыхай напрасно,
что живётся плохо,
нет желанней счастья –
пить прохладу дня.

В катаклизмах века
вздыбилась эпоха
и несёт над бездной
красного коня.

Оседлаю время,
оседлаю вечность,
пронесусь галопом
на лихом коне.

Не скучай, родная,
где твоя беспечность?
В пустоте квартиры
вспомни обо мне.

* * *

Хлеб наполовину с горькой лебедой.
Не с кем поделиться радостью, бедой,
некому святое в жертву принести,
некого спасать и в трудный путь вести.

И друзей немало, и родных не счесть.
И людей хороших, знаю, много есть,
только все равно душа на замке,
только все равно мне одному идти.

* * *

До свиданья!
Улетаю
я на север навсегда.
Не увидимся, я знаю,
мы с тобою никогда.
Будет долго злиться вьюга,
и кружится голова,
Буду долго помнить руки
и любимые слова.

До свиданья, до свиданья!
Край заснеженный, привет!
Одинокие страданья
много-много долгих лет.
Не видать милого друга,
не видать любимых глаз.
Только в поле воев вьюга,
плачет бедная о нас.

* * *

Проснулись в небе ангелы,
развеив мрак ночной.
И мы остались, ангел мой,
наедине с тобой.

Может не надо
тропками сада
нам уходить
из звездопада...
Синего неба,
нежного взгляда.
Может не надо,
может не надо...

Взлетели птицы белые,
погас огонь свечи,
и мы с тобой несмелые
продлили мрак ночи.

Может не надо
тропками сада
нам уходить
из звездопада.
Звёздная ночь
нам как награда.
Может не надо,
может не надо.

* * *

Перед болью разлуки
мы не властны уже.
Опускаются руки,
нет покоя душе.

Опускаются плечи,
никнет долу ковыль.
Нам с тобою бы легче
не любить, чем любить.

Я вздохать перестану
о разбитой судьбе.
Перед Образом встану,
помолюсь о тебе.

Принесу себя в жертву
самой светлой любви.
Успокой своё сердце,
не приду, не зови.

* * *

Опять весь день холодный дождь идёт,
закрыли тучи небо над столицей, –
и не летит к тебе мой самолёт,
и поезд скорый мимо-мимо мчится.

Меж нами всё дожди, дожди, дожди –
нелётная и скверная погода,
но ты меня, родная, всё-же жди,
приду к тебе в любое время года.

И солнышко на улице взойдёт
и весело лучами заиграет,
и прилетит к тебе мой самолёт,
и встретимся с тобой, моя родная.

* * *

Плачется, плачется белая вьюга,
жалобно песни поёт.
Мы потеряли с тобою друг друга,
горькое счастье моё.

Горькое счастье, большая потеря,
боль в моей трудной судьбе.
Больше не смог никому бы доверить
дочку, а только тебе.

Тихо мерцают заздравные свечи:
Дай Бог вам счастья и сил
жить в этом мире шальном и увечном.
И чтоб Господь вас хранил!

* * *

Пути Господни неисповедимы,
И, видно, нам с тобой не по пути.
– Прошу: "Не покидай меня, любимый!"
И я прошу: "Прости меня, прости!"

Ты рождена для сладких наслаждений,
чтоб на руках всю жизнь тебя носить.
А я рождён для Божьих откровений,
и это мне никак не совместить".

* * *

Белый, белый пароход белокрылый
уплывает в небеса, уплывает;
в небе чайка над бескрайним разливом
улетает от меня, улетает.

Обещали быть до гроба с тобою,
но один стою над грозною кручей;
ты не стала мне счастливой судьбою:
вдаль унёс тебя голландец летучий.

* * *

Тихий лес, цветущий луг,
озеро у речки.
Здесь тебе я, милый друг,
подарил колечко.

Объяснялся я в любви,
делал предложенье.
Слышал лес слова мои,
чувств моих движенье.

Где теперь ты, милый друг,
иль меня забыла?
Помнит лес, цветущий луг
всё что с нами было.

* * *

Нам с тобой не по пути
здесь на белом свете...
Одинокое: "Прости"
вдаль уносит ветер.

Не сложилось, не сбылось,
ничего не вышло...
Отлюбилось, отлегло,
ты меня не слышишь.

Поздно звать на калачи
и на чай с блинами,
коль погас огонь в печи,
и остыли камни.

Содержание

"А лучшая песня ещё не пропета..." Л. Ханаева	1
Раздел 1. Покров "По первому снегу на тихий покров..."	9
"Тихая родина, звёздная пыль..."	9
"Без России земной нет России небесной..."	10
"Полёты не во сне, а наяву..."	10
"Потоки неприкрытой лжи..."	11
"Расскажи мне дед Максим..."	11
"Кукует кукушка, кукует вдали..."	13
"Благодарю, Господь, за тихий свет..."	13
"Яркий мир счастливых снов..."	14
Кукушка	14
Неведомые страны	15
"Жизнь моя бедовая..."	15
"Народ про Пашку разное..."	16
Ночная рыбалка	17
"Я к победам давно не стремлюсь..."	18
"Отзвенели звонкие капли..."	18
"Всё идёт своим чередом..."	19
"В мире людей, среди ближних и дальних..."	19
"Березы шелестят листвой..."	20
России.....	21
"Россия – родина моя..."	22
"Небесный град, святой Иерусалим..."	23
Цветы Христа	23
Отцу Серапиону Максимовичу.....	25
"Вгляжусь в синь небес – васильковые дали..."	26
"В великой мудрости – великая печаль..."	26
"Когда теряет Русь последний стыд..."	27
"Обезображенная земля истекает кровью..."	27
Капризная муза.....	28
"Волга-матушка..."	28
"Я ветром был, я смерчем был..."	30
"Прилетел ко мне конь..."	30
"Сердце занемет..."	31
"Моя печаль – зелёные долины..."	31
"Сошла с земной оси..."	32
"Боже, вдоволь дай воды напиться..."	33
На чеченской войне.....	33
Украинская война.....	34
"Господи, избави от огня..."	34
"Каждому свой крест..."	35
"Я не могу смотреть в уставшие глаза..."	35
Памяти Дмитрия Фролова.....	36
"А мне все кажется, что поезд мой ушёл..."	37
Одиночество	37
2012.....	38
"Чем больше живу я..."	38
"Что истина?.."	39
"Чистое, чистое..."	40
"Душа моя печальна и тиха..."	40
Пред Господом я чист душой.....	41
"У дремлющей реки..."	41
"Гой ты, Русь, моя родная..."	42

"Мир над пропастью завис..."	43
Патриарху Алексию II.....	43
Н. Рубцову.....	44
"Благодарю судьбу и бью поклоны Богу..."	44
Поезд Сыктывкар – Воркута.....	45
"Повсюду кличет вороньё..."	46
На смерть поэта.....	46
"Снится, снится тихий пруд..."	47
"Остановились ходики на даче..."	47
"Как будто не про это..."	48
Раздел 2. Бесконечная любовь	49
"Безграничная любовь..."	49
"Жизнь мерить вешками – не вехами..."	50
"Горит вдали зелёный свет..."	51
Перед восхождением к царскому кресту на гору Народная.....	52
Пасхальное утро.....	53
Пасха.....	53
Белый ангел.....	54
"Прошу не остави, прости меня, Боже..."	54
Перед иконой царя-мученика.....	55
"Бог воскрес из мёртвых..."	56
"Мы связаны с тобой навеки..."	56
Хочется всё петь и петь и петь..."	57
"Не манят больше миражи..."	57
В келье пустытника.....	58
"С Новым Годом!.."	59
Великой княгине Елизавете Фёдоровне.....	61
"По белой пороше, по первому снегу..."	62
Ангел.....	62
В.С. Высоцкому.....	63
"Я равнодушен стал к людским страстям..."	64
"Защити меня от бед..."	64
"Прохожу по краю..."	65
"Не буди во звере лиха..."	65
"Вся земля теплом согрета..."	66
"Горькая кручина..."	66
"На многие века зелёная планета..."	67
"Не ждите Божью благодать..."	68
"Прося защиты у богов..."	68
"Горное эхо от снежных вершин..."	69
"Который день душа моя скорбит..."	69
"Снег искрится за окном..."	70
"Дождь стучит, стучит по мостовой..."	70
"Я лежу на травушке..."	71
"Небо осени светлей..."	72
"Жизнь паутинкой, нитью белой..."	73
"Законы мира злы, коварны и жестоки..."	73
"Приобретение недуга..."	74
"Чтобы жизнь не показалась сладким медом..."	74
"Архистратиге Божий Михаил..."	75
День Господень.....	75
Гроза.....	76
"Ангел мой, иди со мной!.."	76

В Сийском монастыре	77
"Жизнь пустынная моя..."	78
"Давно не хочется никого побеждать..."	78
Ангелу-хранителю	80
"На камушке за доченьку..."	80
"На ближних злобу не таил..."	82
"На праздник, на Казанскую..."	82
"Улетают в даль года..."	83
"Жизнь пламенеющей свечой..."	83
"Нам рано прощаться, махая рукой..."	84
"Я провожаю свой корабль..."	85
"Нисходить до немощей других..."	86
"Каждый день торопимся, спешим..."	86
Стефановский крестный ход	87
600-летие успения Стефана Пермского	87
В Усть-Вымском монастыре	88
Снег на Покров	88
"Страстная пятница – страсти Господни..."	89
"Нас не радуют погодой дни весенние..."	89
В Кытловском монастыре	90
"Взметнувшись к звёздным небесам..."	90
"Дорога далека и песня не допета..."	91
Раздел 3. С природою в ладу, и с Господом в душе	92
"Небо высокое, синь поднебесная..."	92
"Сбежать на дальний бор..."	92
"Уйти на целый день в леса..."	93
"Снегопад, снегопад..."	94
На Белоозере	94
"Удили мы рыбу..."	95
"Так много на земле добра, тепла и света..."	96
"Деревня Слобода..."	96
"Вьюга вторую неделю..."	97
"То дождь, то снег, то снег с дождём..."	98
"Бросает призрачный восток..."	99
"Перелески и поляны..."	99
За морошкой и брусникой	100
"Напой водой живую..."	100
Вешний разлив	101
"Затих осенний лес, в нём ни души..."	101
"Вычегда, Вычегда чистые воды..."	102
"Иду по опушке заброшенной стёжкой..."	102
"Верится – не верится..."	103
"Солнце за дальним лесочком..."	103
"Рано, рано на реке..."	104
"Набежал ветерок и затих..."	105
"Снег искрится белый-белый..."	105
Солнце и мороз	106
Анатолию Цветкову	106
"Заскучал по лесу и зиме..."	107
На Чёрном озере	108
Осенняя рыбалка	108
"Иду по лесу, снег идёт..."	109
Одинокая осень	109
"За рекою туман..."	110

"На речке редкое блаженство и покой..."	111
"Сбежать в тайгу на много-много дней..."	111
Березка	112
"Сонное царство, застывшие ели..."	112
"На Койтовских озерах – благодать..."	113
"Привет, мой бор и Белая река!"	113
"Я брожу по лесу пьяный..."	114
Желанный гость	114
"День смеркается, смеркается..."	115
"Хорошо сидеть в ночном у реки..."	115
Тихая охота	116
"Обронила жар-птица перо..."	116
"Уехать на море.."	117
Чучело	118
Подснежники	119
На Чёрном море	120
"По опушкам и лугам..."	121
"Усталость, усталость..."	121
"Почему горят в ночи..."	122
"Топлю стихами печку..."	122
"Когда указанный предел..."	123
"Уеду, уеду..."	124
"Уйду из жизни в никуда..."	125
Ухте	126
"Много ль для счастья и радости надо..."	127
"Золотая осень..."	128
"Такая красота, что нет её сильней..."	128
"Неожиданно всё происходит..."	129
"Я люблю на лыжах бег..."	129
"Кружится листопад..."	130
"По лесным путям-дорожкам..."	131
"На дальней зимовке..."	131
"Всё бродил бы и бродил..."	132
Тамаре	133
"Закатилось солнце за лесок.."	134
"Уйти от погони..."	134
"Закружила осень в небе карусели..."	135
"Всё чаще я один..."	136
"Опять я в морозную стынь через речку..."	137
Коромысло	137
"Загорел восток зарёю..."	138
Весеннее настроение	138
"Первый снег. По первопутку..."	139
"День-то какой замечательно чистый..."	139
"Снег пушистою метелью..."	140
"Поспевает на опушке земляника..."	140
"Абсолютное безветрие..."	141
"Жёлтые цыплята одуванчиков..."	141
"Летняя волшебная пора..."	142
"Опять наступает пора листопада..."	142
"На затерянной в лесной тиши дороге..."	143
"Поредел притихший сад..."	143
"В сентябре солнце нас не печёт..."	144
"Застелило все дорожки..."	144

"Хорошо в грибную пору..."	145
"Подмывает берега..."	146
"Роняет лес багряный свой наряд..."	146
"На Онеге штиль и жарко..."	147
Неразделённая любовь	148
Раздел 4. Васильки в горах	149
В горах Урала	149
Васильки в горах	150
"На избушке на Урале..."	150
"Шумит ручей внизу..."	151
На Манараге	152
"Укутаны снегом мохнатые ели..."	152
Геологу и туристу Александру Плетневу	153
"Трещат сороки за окном..."	154
Ночёвка в горах	155
"Хорошо в палатке ночью длинной..."	156
"И снова сомненья, и снова тревоги..."	156
"На Урале царствует зима..."	157
"На Манарагу, на Манарагу..."	157
"Скажи, мой друг, куда нас занесло?"	158
На приполярном Урале	159
"Зелёный путь реки..."	159
"Под шапкой облаков..."	160
"Труден путь, длинна дорога..."	160
"Разбит бивак на берегу..."	161
Манящие вершины	162
"Прощайте горы, снежный рай..."	163
"Побродил я по горам..."	164
Магниторазведка	164
"В Ферганской долине..."	166
В Крыму	167
Памирская песня	168
Романтики дальних дорог	169
Раздел 5. Отчий дом	170
"В заколоченные окна..."	171
"Мамочка родная..."	171
"Свет мой лучезарный..."	172
Дочери Светлане	173
"В моей берлоге пусто и темно..."	174
"Нет роднее человека..."	174
"Плачет по ночам моя дочурка..."	175
"Что за крики, что за шум спозаранку?.."	175
"На лошадке по равнине..."	176
"Как сладко лить пред Богом слезы..."	176
Малышевой Ольге	177
Моему желанному, так и не рожденному сыну	178
"В зимней чаще тихо-тихо..."	179
"Я Кирюше внуку прямо..."	179
"Счастья дедушки не скрою..."	179
Мама утка и семеро утят	180
На Койтовских озёрах	180
"На бору в лесной избушке..."	181
Лесное эхо	181
Богатый улов	183

"Мой белый Бим – пушистый хвост..."	184
"Не просто жизнь свою сложить..."	184
Сказочные будни	185
"А время проходит, как вор без ответа..."	186
"Лицом к лицу – лица не увидеть!.. "	186
"К папке в гости прихожу..."	187
"Я проснулся в сладкой неге..."	188
"Дождь на улице стучит и стучит"	188
Племяннику Денису	189
"Тётушка Лампея..."	189
"Снится отец, хоть его уже нет..."	191
Раздел 6. Любви невидимая нить	192
"Бреду один по Млечному пути..."	192
"Качается фонарь в конце ночной аллеи..."	192
"Состояние до плача..."	193
"В тишине, среди лесной глуши..."	193
"На небе серп луны..."	194
"Этой ночью не до сна..."	194
Свидание по Фету	195
Зимняя идиллия	196
Масленниковой Лиде	196
Последний звонок	197
"Пасмурно и грустно на душе..."	198
"В таежной избушке, в сосновом бору..."	199
"О любви не говори..."	199
"За полями, за речушками чистыми..."	200
"Тихая грусть поселилась в душе..."	200
"Звезды ярко блестят..."	201
"Любимый взгляд..."	201
На заре	202
"Любовь моя, постой, постой..."	202
"Твои глаза так хороши!.. "	203
"Неспокойно на душе..."	204
"Полярная Звезда мерцает в темноте..."	204
"Сад осенний опустел, опустел..."	205
"С улыбкою встречать потери..."	205
"Мы стали чуть бедней..."	206
"Белая черемуха..."	206
"Милая, где бы я не был..."	207
"Опять опоздал я..."	207
"На берёзе ворона..."	208
"Былого счастья не вернешь..."	208
"Незащищенная моя..."	209
"Я к ней летел, я был согрет..."	209
"Мне очень жаль, что нам не по пути..."	210
"В любви среди людей я не нашел ответа..."	211
"Господи Всеблагий!.. "	212
"День за днем проходит..."	212
"Хлеб наполовину с горькой лебедой..."	213
"До свиданья!.. "	213
"Проснулись в небе ангелы..."	214
"Перед болью разлуки..."	215
"Опять весь день холодный дождь идёт..."	215
"Плачется, плачется белая вьюга..."	216

"Пути Господни неисповедимы..."	216
"Белый, белый пароход, белокрылый..."	216
"Тихий лес, цветущий луг..."	217
"Нам с тобой не по пути..."	217

Литературно-художественное издание

Суворов Евгений Серапионович
Стихотворения

Технический редактор – Ольга Пашкова
Leuka65@mail.ru